

Ева Соулу

Вестник

Ева Соулу

Вестник

«Издательские решения»

2015

Соулу Е.

Вестник / Е. Соулу — «Издательские решения», 2015

Когда Алекс получил приглашение на юбилей дальней родственницы, он полагал, что это наименьшая из его проблем. Однако приезд в старый приморский дом тетушки не избавил от галлюцинаций – случилось прямо противоположное: тени смешались с обитателями близлежащего городка, и с тех пор присутствие Алекса досаждало и тем, и другим. Пытаясь выпутаться из чужих секретов, он наткнулся на свой собственный, за разгадыванием которого едва не пропустил конец света.

© Соулу Е., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	30
Глава четвертая	47
Глава пятая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Вестник Ева Соулу

© Ева Соулу, 2015

© Ева Соулу, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Посвящается моей сестре Марии

Пролог

Тишина заливала комнату до краев.

Все наблюдательные панели отключились час назад, следом пропала связь. Сидящий перед приборами человек неотрывно смотрел перед собой. Из центра управления приковывал помощник. Упал в кресло рядом, инстинктивно взял аккорд на притворявшейся живой панели. «Точка вызова недостижима». Еще десять минут оба вглядывались в пустоту по ту сторону монитора. Тишина. Они чувствовали себя пузырьками воздуха, застрявшими в янтаре.

– Не вернулся?..

Не вопрос – рефлекс.

Помощник отрицательно покачал головой. – Тимофей не вернется, Дим. Никто не вернется.

Вот он и второго ребенка потерял.

– Скорее бы всё закончилось.

На несколько секунд оба человека и предметы вокруг нежно замерцали.

– Что, и никаких всад...

Исчезли.

«Стоп. Назад».

Из пустоты появляются очертания старомодного стола, за которым сидит безволосый человек. Он кладет перед собой чистый лист бумаги. Позади, в наливающейся перламутром дымке, колеблется едва заметный силуэт.

Цвета меняются.

Человек заканчивает послание, берет из стопки конверт, запечатывает. Не оборачиваясь, протягивает через плечо; рука уходит в голубоватый туман, как в воду. Письмо исчезает вместе с силуэтом.

Кажется, где-то вдалеке начинает едва слышно шуметь море. Или лес. Или множество людей, говорящих разом.

Глава первая

*Австралия, штат Квинсленд,
неподалеку от Брисбена
10 октября, 1996 г., 23:11*

Снова пошел дождь. «Дворники» гоняли разноцветные искры – вверх-вниз; после недавней бури фонари горели через один, дорога то и дело отбрасывала в темноту. Алекс отстраненно следил за редкими машинами. Дремлющий на пассажирском кресле старичок опять легонько стукнулся виском о стекло. Алекс улыбнулся.

– Вперед смотри, а не потешайся над старшими, – пробубнил с закрытыми глазами дед, продолжая клевать носом.

– Можешь пересесть назад, там удобнее.

– Мне и здесь неплохо.

Алекс мысленно пожал плечами.

Он подобрал Рональда на полпути из Мэриборо. Старый лис сидел на оградке у обочины, прижимая к груди громоздкий рыжий саквояж. Они даже не успели толком поговорить: Рон, словно ребенка, устроил саквояж на заднем сиденье, затем угнезвился сам и мгновенно заснул. Алекс понятия не имел, что за дела приключились у великого Тэйси в пригороде в разгар рабочей недели, когда полсотни белых воротничков во главе с Джулией в отчаянье мечутся по офису без указующей длани «папы». Впрочем, непонятно было и то, как Рональд оказался в глуши без шофера – или хотя бы без собственного драндулета. Сам факт, что они столкнулись черт знает где, удивления не вызывал: это же Тэйси.

Старик заворчал сквозь сон, затем принялся шарить по карманам пиджака, но вскоре затих. «Дворники» с легким скрипом массируют лобовое стекло; что-то тихонько дребезжало в багажнике. Алекс посмотрел в зеркало заднего вида. На дороге было пусто. Справа пронеслась подсвеченная гирляндой крыша, на которой сидел... Райн вздрогнул, снова метнулся взглядом к зеркалу. Пусто. Однако он краем глаза успел ухватить движение – казалось, по пятам за ними что-то движется, едва различимое в темноте.

Ну вот, началось. Алекс нащупал в бардачке блистер с таблетками и выдавил одну на ладонь. Джулия все-таки права: к тридцати годам пора обзаводиться детьми и психоаналитиком.

Насоветованное знакомым мозговедом лекарство едва притупляло вибрирующий в затылке гвоздь. Если так пойдет дальше, придется брать выше и топтать напрямик к психиатру, минуя ритуальную фазу с семьей и детьми.

Лоснящийся под фонарями асфальт вспыхивал причудливыми формами. Алекс разжевал горькую таблетку и лишь затем понял, что запить ее нечем. Горечь засвербела в горле, не желая двигаться дальше. Он поискал глазами несуществующую бутылку с водой, снова посмотрел в зеркало. Где-то в недрах Рональдова пиджака заурчал телефон.

Старик рывком вытащил из кармана неуклюжий мобильный гробик и, не глядя, сунул Алексу. Тот поморщился, скопился на телефон. Деваться было некуда:

– Райн.

– Так и знала, что вы смылись вдвоем! – голос Джулии прозвучал одновременно раздраженно и обрадовано. – Рональд рядом?

– Делает вид, что спит.

– Понятно. Мы закончили презентацию, ждем его отмашки.

– Домой не пора?

– А, – Джулия тоскливо засопела. – Всё равно не успею поспать, завтра в семь тридцать встреча. Напомни Рональду про нас. Может, успеете заскочить в офис.

– Мы будем в городе не раньше полуночи.

– И куда вас понесло накануне сдачи...

Алексу было проще промолчать, чем объяснить.

– Ладно, – неуверенно продолжила она, – позвони мне, когда... когда сможешь.

Они попрощались, и Алекс вернул телефон Тэйси.

– Ты становишься всё унылее с каждым километром. Может, я поведу? – предложил старик.

Алекс минуту раздумывал над его словами, затем отрицательно покачал головой. Рональд открыл глаза и уставился в темноту: – Слева будет кофейня, притормози.

Выплывшая сбоку стеклянная конструкция светилась по всему периметру желтыми фонариками и громоздкой вывеской над входом. «Одуванчики». Алекс невольно улыбнулся. Внутри, несмотря на поздний час, толпились люди.

– Тебе не мешает кофе, а мне – земляничный маффин. – Тэйси радостно поскреб ручку дверцы. – Вон, смотри – свободное место!

Райн припарковался.

Не дожидаясь, пока он заглушит мотор, старик перебрался на заднее сиденье. Послышалось шуршание, затем довольный смешок. Предчувствуя беду, Райн обернулся: на него в упор смотрела крохотная, напоминавшая ни то медвежью, ни то крысиную голова, венчавшая серую тушку – хорек замер, словно вместо человека перед ним оказался бультерьер.

– Ну что, пацан? Пить хочешь? – Рональд погладил зверька. – Помнишь Алекса?

– Это всё тот же?

– За кого ты меня принимаешь? – возмущенно заворчал Тэйси.

– И что он на сей раз учудил?

– Приболел. У меня поблизости друг-ветеринар, вот навещали.

Хорек показательно чихнул и шмыгнул Рональду в рукав.

– Он тебя помнит.

– Ну да, конечно. Хотя я его точно не забуду. – Алекс поежился, вспоминая, как год назад носился по козырьку крыши на высоте ста двадцати метров, пытаюсь поймать это переливающееся, словно ртуть, животное, – как раз напротив офиса. Кто-то из коллег успел вызвать парамедиков. Чтобы не скомпрометировать и без того «странное начальство», Райн взял ответственность за хорька на себя, и только чудом к нему не приклеилась репутация лунатика-самоубийцы.

– Мы, кстати, оба тебе очень благодарны, – улыбаясь от уха до уха, напомнил Тэйси.

– Лучше постарайся, чтобы он снова не сбежал.

Хорек высунулся из-под отворота Рональдова пиджака, отчаянно вертя головой.

– Что, парень, слышал? Полезай-ка. – Дед вытащил сопротивляющегося зверя из-за пазухи и усадил обратно в саквояж.

– Ты уверен, что мы найдем его на прежнем месте, когда вернемся?

– О, не сомневайся! Не суди по прошлому свиданию. Он тогда малость... перенервничал. Не стоило приносить его в офис, столько людей, шум.

– «Свиданию»? – Алекс закашлялся. Горечь от недавней таблетки стала невыносимой. – «Малость перенервничал»? Да он носился, как шибанутая торпеда. До сих пор не понимаю, как удалось отловить его и не убиться.

– Ты не боишься высоты, и координация у тебя отличная – стал бы я рисковать в противном случае.

– Не сомневаюсь.

Старик грустно вздохнул и пристроил на сиденье мисочку с водой.

Оставив хорька сторожить машину, они направились к кофейне. Дождь почти прекратился. Алекс запрокинул лицо, ловя редкие капли. Рональд накинул на голову пиджак и затрусил вперед.

Запах мокрой земли требовал вернуться за руль и гнать до рассвета, пока мир вновь не развернется ясной картинкой с вразумительно очерченными улицами и людьми. Желательно теми, которых Алекс знает. Но кофейня «Одуванчики» уже в двух шагах: вот она зевает стеклянным ртом, выпуская пару силуэтов; кто-то засмеялся, в мусорный бак глухо ударил невидимый гостинец. Смятая пачка сигарет или бумажный пакет. Люди повернули за угол, размахивая руками и отбрасывая тени, цеплявшиеся за разметку на парковке. Райн споткнулся – звенящая точка в затылке увеличилась в диаметре и метнулась к правому глазу. На секунду всё померкло. Затем кофейня вернулась из небытия и повисла, готовая разомкнуть челюсти. Алекс с трудом удержался на ногах.

Рональд обернулся. Против света Райн не видел его лица:

– Извини, хочется подышать свежим воздухом.

– Знаешь, Алекс, потом поведу я. И нам пора поговорить.

Тот в ответ скривился, но спорить не стал. Тэйси подцепил его за локоть и подтолкнул к входу в кофейню.

Внутри пахло сдобой и старыми книгами. Тихо шумели посетители, тихо играла музыка, половина столиков была занята – словно они оказались в центре города, а не посреди забега-ловки «Одуванчики» на полуночном шоссе. Кое-как пристроившись у полукруглой стойки, Алекс предоставил Тэйси делать заказ и флиртовать с официанткой.

Минутой позже он понял, откуда взялся этот пыльный, бумажный запах. Позади сидела разновозрастная компания, составляющая три четверти посетителей кофейни – они то и дело переговаривались, восклицали, менялись местами за столиками. Вокруг громоздились чашки и альбомы с фотографиями. Алекс облегчено вздохнул. Похоже, их с Рональдом занесло на затянувшуюся семейную встречу. По крайней мере, в этом объяснении имелся смысл, а как раз смысла и объяснений ему очень не хватало в последнее время.

Он постарался собраться с мыслями. Нужно придумать достоверную историю для Тэйси. Врать старику бесполезно, сразу поймет; отвлечь внимание, но на что? На что угодно, лишь бы выиграть несколько дней, прежде чем Рон додумается упечь его в дурку. Хотя, может статься, это будет наилучшим вариантом.

Тэйси явно не собирался засиживаться в кофейне. Официантка проворно упаковала их заказ, не переставая коситься на Алекса. Еще пару недель назад он не удивился бы; сегодня лишь сделал пометку в уме – не пить антидепрессанты «на глазок». Или не превращаться в помешанного.

Именно это злило его больше всего. Он с поразительной четкостью осознавал всё, что с ним происходило, и не питал иллюзий насчет того, в чьей голове завелась белая мышь. Но прочитав с десятков книг по психологии и психиатрии, он так и не нашел, куда бы прийтись среди нестройной шеренги циклотимиков и шизофреников. Паскудная белая мышь без конца исполняла победный танец у кромки сознания и задергивала штормку...

Мысли разбредались, яркий свет и люди мешали сосредоточиться на себе. Алекс заметил, что Тэйси успел расплатиться, и поспешно вылез из-за стойки. Спинай к нему, едва ли не приплясывая, двигалась девочка-подросток. Еще шаг – и она налетит на угол неровно сложенной стопки альбомов. Скрипнул столик, с хлопающим шелестом десятки фотографий разлетелись по кафельному полу. Девочка охнула, бросилась собирать карточки. Мгновенье спустя Алекс обнаружил, что усердно помогает ей, несмотря на раскатывающуюся по черепу боль.

Некоторые фотографии были настолько старые, что больше походили на выцветшие рисунки, выведенные на плотной бумаге. Он аккуратно складывал их одну на другую, пока не получилась толстая пачка. Последней легла подпаленная карточка с двумя летчиками –

за их головами виднелся накрененный английский биплан. Подпись в углу добавляла, что шел декабрь тысяча девятьсот четырнадцатого года. Да чего жизнерадостные улыбки у ребят. У одного глаза такие светлые, что даже с выравленной временем картонки он смотрит, словно слепой. У второго было лицо Алекса Райна.

Алекс не знал, как долго просидел на полу, таращась на пожелтевшую фотокарточку. Кто-то осторожно потрогал его за плечо, и он вскинулся, заставив отпрянуть сидевшую рядом девочку. Удивительно, что она не бросилась прочь в слезах. Меньше всего он хотел пугать ее, но ему нужно было задать вопрос. Могло ли мироздание посмеяться над ним в столь чудной манере, сведя в случайной забегаловке с еще одной порцией родни?

Девочка встревожено заглянула ему в лицо: – Вам нехорошо?

Да, ему было нехорошо. Алекс снова посмотрел на фотографию.

«Даже хуже, чем я думал».

На карточке улыбались двое пожилых летчиков. Ни у одного из них не было светлых глаз. Ни один не походил на Райна.

Алекс вернул девочке фотографии и молча вышел из кофейни.

Рональд догнал его возле машины. Дождался, пока он разблокирует замки, затем выхватил ключи и уставился в упор, словно сова. Райн не собирался спорить. Хлынул дождь. Вибрирующая спица в затылке начала медленно истончаться, но он по-прежнему чувствовал себя, будто после обморока. Рональд забрался в салон проверить хорька. Путных мыслей не было. Алекс покорно уселся на пассажирское кресло и пристегнул ремень.

Через минуту Тэйси устроился рядом, сунул ему в руки горячий картонный стаканчик с кофе и завел мотор. – Рассказывай.

Это чудовищное слово преследовало его всю жизнь.

Рука невольно потянулась к бардачку, но он вовремя остановил движение. Алекс не мог понять, зачем сопротивляется желанию довериться другу, последние десять лет заменявшему ему отца. Даже сейчас, когда разум подсунул не смутную тень на грани видимости, а однозначную галлюцинацию. Возможно, настоящая неприятность таилась вовсе не в том, что ему мерещились преследователи и странные фотографии, а в полном отсутствии страха перед ними.

Что он чувствовал? Нетерпение? Если бы не так сильно болела голова.

– Ты же меня знаешь лучше, чем я сам, – устало пробормотал Райн, делая глоток из стаканчика, в котором вместо кофе оказался зеленый чай.

– Если я хорошо тебя знаю, то ты не станешь вешать старику лапшу на уши. Однако именно этим ты и хочешь заняться. Ну, не глупи. – Рональд прибавил скорость. – Ты только что изображал зомби перед милой девчушкой, самое время задуматься о карме.

Райн едва не поперхнулся.

– Одним словом, не ври мне, ладно? Можешь не договаривать, но не ври.

Алекс кивнул.

– Славно. Так чего ты мечешься?

Не врать.

– Устал. – Алекс тянул время. – Зверски. Сплю по два часа в день... Если повезет. Работа, Брисбен – надоели до чертиков. Всё складно, но ничего не хочется.

– Хм.

– Не волнуйся, аналитика я уже навещал.

– Вот теперь и впрямь пора волноваться!

Райн проигнорировал сарказм: – Похоже, ты был прав еще десять лет назад. Я просто не знаю, куда себя деть.

– Вот как. Десять лет – вариант не на «отлично», но неплохо, неплохо... Перейдем к недовговоркам?

«Не врать».

Алекс пошарил в кармане джинсов и вытащил наружу длинный, измятый конверт. Повернул его так, чтобы в свете фонарей Тэйси сумел различить красивый почерк отправителя и марки.

– Пришло пару дней назад. У меня, оказывается, есть родня в Англии.

– Не удивлен. Твоя мама с Корнуолла, если не ошибаюсь. Зачитаешь?

– Давай лучше сам. Может, заметишь что-то интересное.

– А что интересного заметил ты?

– Женщина, написавшая письмо... подожди минуту. – Алекс вытряхнул содержимое конверта на колени и по салону ударной волной разошелся цветочный аромат.

– Фиалка? – Рон потянул носом. – Как старомодно.

– Даме вот-вот стукнет сотня. Не шучу.

– Да я гожусь ей в сыновья! С натягом.

– Она вырастила мою мать. Которая приходилась ей... – Райн нетерпеливо заглянул в письмо, – внучатой племянницей. Еще у меня есть брат и две сестры, тоже седьмая вода на киселе. Новоиспеченная тетушка... Каталина Реджина Рейнфилд Чесбери туманно намекнула, что не слишком по-доброму рассталась с моими родителями, но при этом не сомневается, что я о ней знаю. Пригласила на свой юбилей. – Алекс раздраженно сложил письмо. – Никогда даже имени не слышал.

– Поэтому ты сегодня ездил к отцу?

– Да.

– Телефон, кстати, уже изобрели.

– Хотелось развеяться.

– Развеялся?

Алекс уныло посмотрел в окно.

* * *

*Штат Квинсленд, Мэриборо
(пять часов назад)*

Тихо задребезжало стекло.

Джеральд Райн плеснул виски в стакан и сжал его, опасаясь выронить. Затем медленно поднес к губам и одним махом влил содержимое в горло – глаза посветлели, словно лампочки, ненадолго подключенные в сеть. Джеральд недовольно покосился на прикрытую дверь. К счастью, сиделка ничего не слышала. Он всё чаще жалел, что дожил до этой приторной опеки; впрочем, он сожалел о многом. Ему до смерти надоело прятаться по углам, лишь бы не заметил нежный цербер в белом передничке, не оставивший в доме жидкостей крепче сердечных капель. Тем более, проклятое сердце всё равно ныло так, что уж лучше бы его не было вовсе.

Какое-то время Джеральд покачивался на месте, борясь с желанием обогатить организм еще одним стаканчиком виски. Затем ему померещились шаги – и неудивительно, сиделка то и дело сновала по коридору, – однако эти показались незнакомыми. Через несколько секунд звук замер за белой крашеной дверью, и он невольно подался вперед. За мгновение до того, как дверь распахнулась, Джеральд догадался, кто окажется на пороге.

– Алекс?! – Он в замешательстве застыл со стаканом в руке; терпкий запах, всё еще горчивший в воздухе, словно внезапно ударил в нос. – Я не ждал тебя... раньше выходных.

Это было очевидно. Взгляд сына по обыкновению остался спокойным.

Алекс не сомневался, что пожалеет о поездке. Нужно было позвонить. В последнее время он виделся с отцом урывками, и с каждым разом тот встречал его всё более отстраненно. Возможно, стыдился себя. Или злился за то, что Алекс приставил к нему медсестру и платил по его счетам.

Старший Райн отступил в глубь комнаты. Алекс устало прислонился к дверному косяку.
– Нужно поговорить. Не хотелось ждать выходных, и я не думал, что потребуется... предупреждение. Извини.

Джеральд что-то торопливо прошамкал себе под нос. Неловко сунул стакан в шкафчик для лекарств. – Ну что ж, садись. Хочешь чего-нибудь?

– Кое-что прояснить.

Отец настороженно повел подбородком.

– Если знаю, о чём речь, то помогу. А о чём мы, собственно?

Алекс развернул стул спинкой вперед и уселся на него, впившись пальцами в теплое дерево. – О Каталине Чесбери.

Последовала тишина.

Затем Джеральд побледнел, мгновеньем позже побагровел, на его шее и висках выступила испарина. Алекс испугался, что отца снова хватит инфаркт, но тот махнул рукой и самостоятельно рухнул в кресло. Вяло закрыл ладонями лицо, сквозь стиснутые пальцы донесся невнятный шепот. Алекс не разобрал ни слова.

Через четверть часа Джеральд отнял руки от лица, и Алекс увидел, что оно мокро от слез. Тот не плакал с похорон матери. Вид у него был измученный и злой.

– Сын, я сделал всё... Я лишь хотел... Как это случилось?

– Она мне написала.

Джеральд всхлипнул и яростно затряс головой.

– Что произошло? Что вообще происходит? – удивленно пробормотал Алекс.

– Мы скрыли от тебя... Намеренно, но мы лишь хотели обезопаситься, обезопасить тебя! Чтобы ты не думал их искать. Мы так решили. Я и твоя мать.

– Но зачем?

Джеральд снова затрясся, слова застревали у него в горле.

– Я уже знаю о Каталине Чесбери. И я достаточно взрослый, чтобы обезопасить себя сам. Но хотелось бы знать, от чего.

– Нам бы никто не поверил... Никто! Даже словам Элейн... Никто бы не стал нас слушать. Что значит наше слово против *ее* слова?!

– Я готов тебя слушать.

– Каталина Чесбери... была опекушкой твоей матери.

– Знаю.

Джеральд сбился и умолк, то ли не мог собраться с мыслями, то ли просто тянул время. Алекс поборол подступившую под горло волну жалости и вновь настойчиво позвал его. Тот вздрогнул, скривился.

– Она была очень... влиятельной. Такой, наверное, и осталась. Она всё еще жива! Она всех нас переживет.

– Вы поссорились?

– Поссорились? Нет. Я с ней даже не встречался. Грешным делом надеялся, что она вообще обо мне не узнает. Что ей от тебя нужно?

– Пока ничего.

Отец повесил голову и принялся тихонько бормотать себе под нос. Поняв, что ничего от него не добьется, Алекс встал, чтобы позвать медсестру, но Джеральд поспешно остановил его.

– Нет... Сын, не приближайся к *ней*. Пожалуйста.

Алекс молчал.

Джеральд вновь заволновался, судорожно привстал в кресле, пытаясь опереться о край стола. Алекс невольно подхватил его, чувствуя, как жесткие холодные пальцы впиваются в предплечье.

– Сынок... Мне так жаль... Так жаль, что я говорю тебе... Я все эти годы знал, но это была наша тайна. *Наша*. Эта женщина – убийца. И мы тоже виноваты, мы обо всем знали и скрывали это. Прости нас...

* * *

23:57

– Вот это я понимаю – скелет в шкафу.

– Два скелета, если уж на то пошло. – Алекс откинулся на спинку кресла, впервые перестав следить за дорогой. Уже какое-то время за ними никто не гнался.

– Похоже, ты отцу тоже не особо веришь.

– Я верю, что он что-то видел, но вот насчет выводов...

– И что думаешь делать?

– Хочу составить собственное мнение о Каталине Чесбери.

– Какие у вас все здравомыслящие в семье!

Алекс закрыл глаза, прикинувшись сонным хорьком в надежде переждать бурю.

– Сперва ты рассказываешь, что у тебя ум за разум заходит из-за недосыпа и депрессии, а теперь собираешься в гости к потенциальной убийце! Ее присутствие, безусловно, поможет тебе спать по ночам. Мертвецки крепким сном.

– Брось, Рон. Ты только что сам не верил...

– Есть разница между «маловероятно» и «невозможно»?

– Давно надо было тебя позвать – не было бы проблем с бессонницей.

– Алекс! – Старик хлопнул ладонью по рулю, едва не отправив их в кювет. Райн даже не заметил.

– Тетушка Каталина зовет отметить семейный праздник, она жаждет примирения, – проворчал он. – Если не приму приглашение, следующего уже не будет. Либо я еду сейчас, либо не еду вовсе.

– Сперва разберись с собственными проблемами, а потом играй в детектива.

– Мне нужно сменить обстановку, чем не повод. И немного адреналина не помешает.

– Одному тебе ехать нельзя.

– И кого предлагаешь взять? Я не хочу посвящать в подробности случайных знакомых. Тебе почти восемьдесят, да и хорека маловат – не уверен, кто кого будет охранять.

– Ну, поязви еще, – огрызнулся Тэйси.

– Надеюсь, Джулию ты в расчет не берешь?

– Она знает, куда ты намылился?

– Знает. Письмо пришло при ней. Об убийстве я ей рассказывать не буду. Надеюсь, ты тоже. Паранойи в ней больше, чем во всех присутствующих, не говоря уж о любопытстве.

– И не говоря уж о том, что она является частью всего того, что тебе «до чертиков надоело»?

Алекс выпрямился в кресле и впервые посмотрел Рональду в глаза: – К вам с Джулией это не относится.

Тэйси пожал плечами.

– Ради твоего спокойствия завтра еще раз проконсультируюсь с врачом насчет бессонницы. Поездка не займет больше десяти дней. Если станет хуже, уеду. Или позвоню тебе.

– И когда ты летишь?

– Послезавтра.

* * *

Брисбен

12 октября, 10:30

До прихода Джулии оставалось полчаса. Алекс отхлебнул кофе и тихо ойкнул, забыв, что тот только что сварен. Боль с языка плавно перетекла в горло. На столике лежал авиабилет – рядом с английским письмом, продолжавшим отравлять воздух старомодной фиалкой.

Уже второй час Алекс, скрючившись, сидел на диване и силился перебороть усталость. Мысли вяло царапались в голове, и иногда ему казалось, что он знает, как нужно поступить. Но через мгновение уверенность уходила, и он снова бездумно тарашился в черное окошко кофейной гущи – или на конверт.

Снять трубку, набрать номер, признаться Рональду, насколько плохи дела. Может быть, сразу позвонить в клинику. Рука не слушается. Будто тело действует само по себе. Стоило бы испугаться... Нет, даже страх липовый. Так оно работает? Мысли рассыпаются. Тяжело думать о чём-либо, кроме поездки. Кроме билета на столе и убийства.

По-прежнему никакого страха.

Алекс не знал, как следует дознаваться до преступления, со дня которого прошло тридцать пять лет. Впрочем, он бы и до свежего преступления предпочел не докапываться, но поезд ушел, оставив его с двумя гипотетическими трупами на руках. Для начала стоило выяснить, жили ли они вообще – вне одурманенного воображения Джеральда Райна. Да, успокаивай себя. Сегодня должно быть проще.

Ночью удалось поспать несколько часов. Затем раздался телефонный звонок, и Алекса подбросило, словно в подреберье воткнули оголенный провод. Звонил старый школьный друг, онколог, неделей раньше согласившийся обследовать больную голову Райна. Положив трубку, Алекс впервые за долгое время испытал некое подобие радости: «Опухоли нет. Отоспись, поезжай в отпуск, покажись невропатологу». Совет насчет невропатолога шел под номером один, но маячивший на столе конверт посчитал, что это не суть важно.

Опухоли нет. Славно. Однако чувство было слишком трепетным, чтобы задержаться надолго.

«Значит, психоз».

Когда Алексу было восемь, с ним приключилась неприятная история: почти неделю его болтало в слоеном пироге из раздувшихся звуков и картинок размером с чью-то жизнь. Он бредил и сильно рисковал угодить в специальное медучреждение, если бы всё не закончилось так же внезапно, как и началось. Лечивший его доктор смилостивился над родителями и вписал в графу диагноз «Отравление неизвестными веществами». Что произошло на самом деле, никто так и не узнал. Однако Алекс хорошо запомнил долгое послевкусие, эту тихую, тревожную щекотку в затылке. То же чувство преследовало его весь последний месяц. Только теперь оно стало сильнее.

Он бы предпочел не сознавать, что сходит с ума.

Почему сейчас, уныло подумал Райн? Галлюцинации, тени на дороге. Обычно ему едва хватало фантазии на то, чтобы не умереть со скуки в свободные от работы часы.

Еще и убийство.

Дурная наследственность? Спросить у матери, что произошло, не получится, а отец... Болезнь, утраты и алкоголь сделали свое дело. Одни прорехи.

Зря он радовался, что опухоли нет. Возможно, пережить операцию было бы проще, чем избавиться от засевшей в мыслях занозы. Ему казалось, что он всё еще где-то спит. Он вспомнил глаза матери, тревожные, словно смотрящие внутрь себя. Как она снова и снова смахивает несуществующую пыль со стола и едва заметно вздрагивает. Никогда не зовет его по имени. Пожалуй, это самое странное: зачем они дали ему имя убитого человека? Как они оба боялись

машин, случайных звуков на улице. Когда Алекс заболел ветрянкой, отец нес его в больницу через несколько кварталов на руках, отказавшись от такси...

Сумасшествие? Можно подозревать любого из них.

Кофе остывал. Алекс закрыл глаза.

«Обвинить Каталину – вот что нужно было сделать! Может, у нас был шанс доказать ее вину. Но я испугался, и мы сбежали. Знал бы я, что буду помнить их лица столько лет, слышать проклятый скрежет и это... жужжание».

Алекс мысленно похлопал себя по плечу. «Я достойный сын своих родителей – хоть в этом никаких сомнений».

«Выспаться, поехать в отпуск», напомнил белый конверт на столе. Алекс придавил его кофейной чашкой.

Бессонные ночи терлись о виски плюшевыми головами, но сон по-прежнему не шел. Подперев ладонями подбородок, Алекс сощурился, глядя сквозь стену. Опять подступили секунды бешеного дыхания, тревога, размытые всполохи темного плаща, по которому скользят оранжевые искры... Бегущий силуэт. Алекс зажмурился. Попытался сменить позу, и съехал прямо на ковер. Вытянулся. Ноющий затылок уперся в твердое дерево софы.

Щелкнул замок на входной двери. Райн вздрогнул – не заметил, как задремал. Пришла Джулия, он услышал шелест ее платья. Она осторожно обошла комнату и присела рядом. Теплая ладонь скользнула по его щеке: – Привет.

Он ответил улыбкой.

– Поссорился с отцом?

Ему стало неловко за тревогу в ее голосе.

– Нет, просто устал. Немного... Очень сильно. – Он поднял руку и притянул ее к себе. Джулия уютно свернулась у него под боком и ненадолго затихла.

– Не хочешь говорить?

– Хочу.

Алекс порадовался, что не придется сочинять. – Как мы и думали, эксцентричная история взросления, но в целом... ничего особенного. Первая любовь, побег из дома – мама даже записки не оставила. Можешь представить, как к этому отнеслась опекушка.

– И что, полиция их не искала?

– Они оба были совершеннолетними. А может, тетушка Каталина решила преподать маме урок самостоятельной жизни. Кто знает.

Джулия неуверенно кивнула. Робко потянула Алекса за воротник рубашки:

– Так ты... поедешь к ним?

– Уговори меня остаться, – внезапно попросил он.

Джулия приподнялась, растерянно оглянулась, словно ее кто-то окликнул. Покачала головой:

– Не могу. Хочу, но не могу.

– Почему?

– Потому что они... твоя семья. Это не мне решать.

Она прижалась к нему, как замерзшая кошка. Он погладил ее по волосам.

– Тогда мне пора.

Конверт на столе излучал умиротворение, несмотря на расплывшийся поверх изящного почерка кофейный ободок.

Глава вторая

*Великобритания, графство Сомерсет,
к востоку от Майнхеда, Астоун
19 октября, 23:42
(день пятый)*

За окнами бурлила темнота.

Рассекая залив, с Атлантики надвигался шторм. Дождь и ветер безумствовали на пару – два воронных жеребца, мчащиеся по низкому небу.

Из-под копыт летят искры, осыпаются косяками белых молний. Падают на землю, звеня в холодных каплях. Падают на стены замка, на его черные башни. Падают впрок. Замок, старый и кряжистый, до боли истерт стихиями. Сотни небесных копыт сбили о него подковы. Стены – темнее бури, сильнее шторма. Бегите, бешеные лошади, берегите ноги.

Грозовые тени мечутся мокрыми гривами. Алекс сидит один.

Теплое кресло и свет от камина. Витражное окно, порскающее разноцветными всполохами. Молнии падают в комнату решеткой из красных бликов. И океан: вздыбив соленую шерсть, гудит, не в силах нестись по небу. Ветер и дождь – там, наверху, а он один, тяжелый и скованный земным притяжением. Алекс тонет в забвении. Ему холодно – так холодно, что хочется сунуть руки в камин. Ледяное тело камнем идет ко дну.

Скоро он уедет из Астоуна. Он хочет вернуться под знакомое солнце. Хочет увидеть Джулию, бегущую к нему по нагретым плитам в парке. Ее желтое платье пульсирует и светится, как огонь. Она кажется ему еще меньше и тоньше, чем раньше; он пытается поймать ее за руку, но призрак рассыпается... Замок отечески треплет его сквозняками и шепчет о своем. Старая женщина с зелеными глазами скользит по его коридорам светлой тенью, но Алекс не видит ее. Не в силах уйти, не в силах остаться.

* * *

1960 г.

Шло двадцать первое лето ее жизни.

Никто не радовался и не грустил в Астоуне по-настоящему. Люди двигались, словно фигурки на часах в библиотеке тетушки Каталины – строго по расписанию, под изящный перестук фарфоровых ножжек. Вечером в десять, с последним ударом всё тех же часов, каждая дверь в доме захлопывалась, пряча слуг и хозяев по каменным шкапулкам. Они думали, что теперь в безопасности. Но Элейн не была настолько наивна.

Замок был изъеден тайными ходами, как червивое яблоко, и это единственное, что ей было по душе в старом доме. Она сбилась со счета, сколько ночей провела вне его стен, в беседке в глубине парка: под видимой частью скрывалась комнатка, в которой можно было перетерпеть и ливень, и зимнюю непогоду. Никто не знал об ее убежище, даже сама Каталина. Возле беседки зарастало ряской озеро, чуть в стороне, оставив немного света кустарникам, громоздились дубы. Когда-то давно вдоль берега высаживали розы, и покосившиеся шпалеры до сих пор торчали в разные стороны. Придирчивое око тетушки игнорировало запустение, словно этот уголок парка скрывала непроницаемая шляпа. Но если в мире Элейн и могло быть счастливое место, оно было здесь – тут даже замок милостиво не обращал на нее внимания.

Однако чем старше она становилась, тем тяжелее делался взгляд Каталины. Тем длиннее казались лестницы в Астоуне и медленнее двигались слуги.

С пятнадцати лет она начала сбегать в город – подкармливать бродячих собак и их хозяев. Даже без лишних предупреждений те прилежно хранили ее благородство в тайне. Но Элейн знала, что однажды ее поймут и, скорее всего, запрут в башне до скончания веков. Тогда она наверняка выбросится из окна, разобьется о камни (если выберет правильное окно) и превратится в русалку. И наконец-то уплывет на край света, подальше от Астоуна.

А пока ей приходилось довольствоваться короткими вылазками, чувствуя, как каждый раз за спиной разматывается шелковый поводок.

...Месяц назад в общественном парке Элейн натолкнулась на человека в смешной кепке – он дремал на скамье, подложив под голову чемодан. Кепка чудом держалась на встопорщенной шевелюре. Он был скромно одет, и поначалу Элейн приняла его за бродягу. Тот долго расплялся, доказывая обратное, однако от бутербродов и горячего кофе отказываться не стал. С тех пор в ее беседке появился новый жилец. О чём думала Элейн, приглашая заезжего студента на постой, она сама не знала. По-крайней мере, на первых порах.

Джеральд был из другого мира. Его приходилось постоянно одергивать, чтобы говорил потише и не размахивал руками, рассказывая о том, что творится за пределами Астоуна. Они боялись появляться в городе, а потому часами гуляли по парку на границе владений леди Каталины. В тот месяц они почти убедили себя, что смогут вечно прятаться в секретной клетушке под землей.

...Иногда Джеральда пугало происходящее. Череду случайностей, завлекшая его в чужую страну, потом в маленький город, в парк, облюбованный воронами, на скамейку в конце дубовой аллеи, на что-то намекала, вложив в его руку эту белую девичью ладонь. Но хоть убей, он мог думать лишь об одной причине. Каждую ночь, что они проводили вместе, целомудренно разделив спальные мешки импровизированным столиком, он твердил себе, что ничего этого не должно быть. Два астероида, пролетевшие полгалактики и столкнувшиеся над их головами, казались более вероятным событием, чем два спальных мешка на расстоянии вытянутой руки, из которых они смотрели друг на друга, словно испуганные котята. Она просила его рассказать что-нибудь, и он трещал без умолка, пока она не засыпала, продолжая улыбаться. Днем говорила Элейн – стращала его байками о семействе Чесбери и Астоуне. А порой они оба умолкали и брели по подлеску, взявшись за руки, будто два призрака.

...В тот день тропинка вывела их к шоссе. Это был единственный проторенный путь из замка в город, поэтому они остановились, раздумывая, не пора ли повернуть обратно. Дорога была пуста; на их счастье, в это время здесь мало кто ездил. Солнце пронизывало неподвижную листву до самой земли. Воздух был прозрачным и теплым, они стояли, словно зачарованные. Потом что-то кольнуло Элейн. Смутное предчувствие – кто-то шепнул в самое сердце: «Беги». Невдалеке послышался шум, и она испуганно потянула Джеральда прочь.

Они спрятались за деревьями, чтобы не попасться на глаза водителю. Белый «форд», искря боками, плавно выкатился из-за поворота. «Александр Гор, – шепнула Элейн, – возвращается от тети Каталины».

Кто-то приближался с другой стороны.

Деревья, за которыми они укрылись, были слишком редкими, и им пришлось поспешно втиснуться в узкий овражек, едва прикрытый боярышником и метелками чертополоха. Как назло «форд» Гора замедлил движение и вскоре остановился почти напротив их убежища. Джеральд заметил два профиля – с Гором была женщина. Когда показалась встречная машина, стало ясно, почему тот решил притормозить.

Подъезжавший автомобиль безудержно мотало по шоссе. Казалось, у водителя случился сердечный приступ или начисто отказало рулевое управление, заодно с тормозами. В какой-то момент машину занесло, затем развернуло боком и еще с десяток метров с визгом волокло по асфальту. Наконец, она остановилась, застыв на дымящихся покрывках.

Ни Джеральд, ни Элейн не успели понять, по какому наитию Гор вдруг выжсал сцепление и стремительно подал назад. Однако сбежать он не успел.

Из перекрывшей дорогу машины высунулся мужчина и открыл огонь. Гулко лопнуло лобовое стекло, закричала женщина. Алая разметка хлестнула по змеистой трещине – и всё смолкло. Убийца подождал, затем выбрался на дорогу и медленно пошел вперед, припихиваясь коротко обрезанным оружейным стволом. Когда до покореженного «форда» оставалось несколько шагов, распахнулась водительская дверца, и Гор выбросился наружу. Он сииб бандита с ног; у того была лишь секунда, чтобы увидеть пепельное в красных потеках лицо – а затем его шея хрустнула, и он мешком свалился на асфальт. Гор подхватил автомат и, не целясь, выпустил всё, что оставалось в магазине, в закрытые окна «мерседеса». Послышался звон стекла. Когда закончились патроны, он отбросил обрез и медленно обернулся. Оперся руками о капот, всматриваясь в силуэт за испачканным стеклом.

Джеральд затрясся от новых выстрелов.

Черные пчелы радостно жуужжали. Жалобно, ударяясь о металл, жадно – о человеческое тело. Удар – вспышка красного.

Гор упал.

Какое-то время со стороны второй машины еще доносились шорохи и стоны, но вскоре всё затихло. Ветер потянул за рукав, дунул в ухо. Тихо. Минута. Десять минут. Кто-то заскулил рядом, Джеральд понял, что это Элейн. Пустая дорога в пустое небо, в котором ни единого облачка – оно навалилось на них голубыми ладонями...

Следом синяя тень на шоссе. Джеральд зажал Элейн рот и вдавил ее в траву.

Машина подкатила со стороны замка, плавно остановилась. Стройная женщина в пестром шелковом платье выскользнула на дорогу, заозиралась по сторонам. Джеральд увидел ее юное лицо, лишившееся всяческого выражения. Она подбежала к Гору и опустилась на колени; через мгновенье тихо выругалась. Бросилась к «мерседесу» – но видно и там было некого спасать.

Девушка вернулась обратно, обошла «форд» и открыла дверцу со стороны пассажирского сиденья. Прямо к ее ногам свесилось тело попутчицы Гора. Та была еще жива: белые пальцы болезненно сжались, ударившись об асфальт. Джеральд захотел подняться, но не успел: последняя пчела ужалила раненую в висок.

Незнакомка зашагала прочь, перепрыгивая через трупы. Не оглядываясь, нырнула в свой автомобиль и сорвалась с места.

...Прошел час, небо успело пропитаться темным. Закат расплзся, прилипая к набегавшим облакам мокрой тканью. Наконец Джеральд встал, крепко обнял Элейн.

– Идем.

Его голос был спокойным. Девушка подчинилась, словно перешибленная марионетка. Ей трудно было держать равновесие, казалось, она едва его слышала.

Они не помнили, как добрались до беседки. Он всю дорогу говорил с Элейн. Просил дать ему время. Что-то обдумать и что-то решить. Ей, как назло, необходимо было вернуться в Астоун – это была единственная мысль, оставшаяся в ее голове. Джеральд не хотел отпустить ее, не хотел оставаться один. Всю ночь он тонул, фиалковая дорога вздымалась под ним волной. Затем он выполз на берег и пожалел, что это случилось: прибежала Элейн и сказала, что знает убийцу.

Утром в замок Чесбери нагрянула полиция. Они опрашивали свидетелей – всех, кто видел Гора и его жену перед смертью. Каталина стоически выдержала все вопросы, потом ушла к себе в башню и заперлась. А несколько часов спустя к ней пожаловала посетительница. Леди Чесбери приняла ее в библиотеке; даже сквозь толстые двери Элейн слышала удар разлетевшейся вдребезги чернильницы. И она хорошо разглядела гостью – девушку в пестром

платье, застрелившую жену Гора. Та исчезла спустя пятнадцать минут с изящным саквояжем наперевес.

– Джерри... Если ты оставишь меня здесь, я сойду с ума! Или она убьет меня! – кричала Элейн, нисколько не заботясь о том, что ее могут услышать даже в парковых дебрях.

Конечно, он не собирался ее бросать. Он велел ей вернуться в замок, собрать вещи, а затем смирно и тихо дожидаться вечера.

Отправив Элейн в Астоун, Джеральд побежал в город. Нашел телефонную будку, набрал номер полицейского участка, – но не смог выдать ни слова на вопросительное молчание. Следующей была почта. Он схватился за бумагу, полчаса иступленно писал, затем смял листки и засунул в карман. Бесплезно. Его слово против слова Каталины Чесбери? Даже если полиция поверит и примется искать исчезнувшую с саквояжем убийцу, рискнет ли кто-нибудь в замке подтвердить, что она действительно приходила? Элейн? Бедняга так напугана, что ее впору везти к врачу, пока отчаянье окончательно не лишило ее рассудка. Если они откроются и укажут на виновных, но доказать причастность Каталины не смогут, что станется с ними? Джеральд очнулся в тупике, и единственное, что он осознал тогда – следующей жертвой на пустой дороге будет он сам. Он или Элейн, или они оба.

Он вернулся в Астоун и полдня изнывал в беседке, вздрагивая при каждом воспоминании о том, что было накануне – и о том, что случится сегодня. Вечером пришла Элейн. Они не стали медлить: пока леди Чесбери «оплакивает» смерть Горов, они попросту исчезнут. Так и поступили.

...Уже через неделю между ними и Астоуном лежал океан. Элейн сменила прическу и фамилию. Вначале даже казалось, что им под силу всё забыть. Но когда родился сын, оба поняли, что проиграли – не страху, чувству вины. А вскоре последовал второй удар: оказывается, оставленная позади тайна связала их крепче, чем любовь.

Год за годом они таились в ожидании прошлого. Но никто так и не пришел за ними – ни призраки, ни живые.

* * *

Астоун, 15 октября, 1996 г.

21:00

(день первый)

На северной стороне, сразу за замковой стеной, начинался спуск к океану. Тот гудел совсем иначе, чем дома. С юга подступал многокилометровый парк.

...После бесконечных пустошей чащоба вставала чужеродной влажной машиной, чуть заметно шатавшейся при порывах ветра. Сквозь приоткрытое окно автомобиль заполнял ледяной воздух, напитанный запахом прелой листвы. Мир вокруг казался обесцвеченным, нереальным. Быстро темнело. Подъезжая к воротам, Райн невольно стиснул зубы: замок незряче сощурился на него узкими окнами. Несмотря на зажженные в парке фонари и ухоженные аллеи, дом казался брошенным столетия назад. Высокая кованая ограда, на подъездной дороге камень вместо асфальта. По бокам арки, ведущей во внутренний двор, два утопленных в стену монумента из бронзы – остромордые лошади, лютые, поцарапанные. Алекс поспешно отвернулся, скульптура всегда действовала ему на нервы.

Он добрался до замка около часа назад. Десяток одетых в униформу людей высыпал встречать гостя у подъезда: они смотрели долу, но стоило ему отвернуться, как за спиной начинался перекрестный огонь на поражение. В целом, они казались милыми. Единообразными, словно ухоженные овечки, но с сообразительными и преданными глазами. Единственный, кого Алекс сумел запомнить в лицо, был мажордом Эшби, да и то потому, что ливрея старика отличалась по цвету от остальных.

Когда Райн покинул аэропорт в Брисбене, бессонница и паранойя оставили его в покое, но, похоже, они попросту предпочли путешествовать по земле. И вот наконец-то нагнали. Утроба замка поглотила его и принялась перемалывать вереницей комнат. Он снова ощущал движение вокруг, за каждой вещицей таился неясный смысл. Если удавалось задержать взгляд на одной точке дольше пары секунд, зрение теряло остроту.

Алекс слышал, как ветер тихонько возится за портьерами, сбивая пылинки.

– Леди Чесбери ждет вас, сэр.

Эшби, его добровольный гид, вернулся после доклада хозяйке. «Гость благополучно вселился в Северную башню и жаждет лично засвидетельствовать почтение». Старик хлопотал вокруг, как расторопный домовый. «Прошу вас, сэр... Леди Чесбери очень рада вашему прибытию... Леди Чесбери готова принять вас... Сэр». «Какой я, к черту, сэр», – раздраженно подумал Райн.

– Прошу вас, сэр.

Алекс неловко поднялся с очередного антиквариата. Его проводили до дверей, вежливо распахнули их и оставили наедине с тем, что ждало внутри.

Его встретила тишина. В этом огромном зале ее было столько, что почти нечем было дышать. Под куполом крестовиной смыкалась лиловая темень, неярко светились низкие лампы вдоль центрального прохода. Алекс вошел и застыл, глотая книжный воздух. Стеллажи перемигивались тусклыми бликами. За стеклянными дверцами скалились томики, обтянутые тисненой кожей; кожа сменялась сафьяном, затем лаком. Цивилизация свила приятное гнездышко среди здешних полок, и хозяева с умом пользовались этим, нокаутируя визитеров видом забитого в буквы состояния.

В дальнем конце зала освещение менялось. Незадернутые портьеры и светлый остов стола кружили в дымке маленьким корабликом. Стрельчатое окно отражало анфиладу книжных коридоров, высокое кресло из ореха, на полировке которого даже в сумерках дрожали отблески. За столом Алекс увидел тень.

Очертание тонкой руки потянулось к бронзовой лампе; он остановился, ожидая света, или хотя бы приветствия. Сцена встречи была продумана до мелочей. Лампа вспыхнула, женщина в кресле появилась внезапно, словно Алекс не ведал, что она восседает там – на своем трonoобразном постаменте. Похоже, она ждала его достаточно давно. Рука изящно вернулась на подлокотник, лицо осталось полуопущенным. В ее взгляде не угадывалось и намек на старческое слабоумие. Он с трудом мог поверить, что этой женщине через считанные дни исполнится сто лет.

Морщины, поблекшие краски – Каталина казалась тонкой и хрупкой до призрачности. Цвет глаз, цвет губ, белые, как горячий пепел, волосы – вся она была словно неконтрастный снимок, искаженный временем прообраз чего-то, что всё еще продолжало просвечивать сквозь увядшее тело. Приближаясь шаг за шагом, Алекс видел, как годы приливают к ее лицу, но это уже не имело значения. Он не догадывался раньше, что старческие черты могут таить столько очарования.

Когда он остановился позади кресла для посетителей, ожидая ее первых слов, Каталина едва заметно улыбнулась. Поблагодарила его за то, что он принял приглашение, попросила присесть. Они витиевато представились, будто не имели понятия друг о друге, заговорили о мелочах. Как он доехал, понравились ли ему апартаменты? Алекс отчетливо ощущал собственную раздвоенность: вот он непринужденно болтает со старушкой о крутой лестнице в Северную башню; и вот он же – сидит и пытается представить, как она нанимает убийц, а главное – зачем она это делает. Пожалуй, он был не прав, сравнив ее с высушенным цветком: глаза Каталины казались неестественно яркими, почти искусственными.

– Александр... Надеюсь, вы позволите называть вас по имени?

– Конечно. – Он вежливо улыбнулся, тут же представив, как однажды она с такой же просьбой обратилась к его убитому тезке.

– Вот увидите, вам понравится в Астоуне. С непривычки здесь немного тоскливо, но дайте себе время. Вам не захочется уезжать.

– Боюсь, здесь чересчур... просторно для городского жителя.

– Не выдумывайте. Это и ваш дом, помните об этом.

Он ответил улыбкой, хотя клацнувшая нотка в ее голосе не слишком располагала к веселью. Еще раз поблагодарил за любезный прием. Где-то под куполом библиотеки тихонько зашуршало эхо.

Каталина одобрительно кивнула. Осанка молодой женщины, правильно поставленный свет. Алексу мучительно хотелось спросить, чем объясняется внимание к его персоне, но не трудно было догадаться, что уж чего-чего, а правды он точно не услышит. Он знал, что она богата, также он знал о том, что у нее есть наследники, с которыми старушка привыкла иметь дело – спасибо за доклад словоохотливому мажордому. Наследников она воспитала сама и держала на атласном, но очень коротком поводке. Появление здесь Алекса, пускай ею же спровоцированное, могло иметь множество неприятных трактовок – помимо внезапного желания обсудить убийство многолетней давности...

Довольная его манерами, Каталина сложила тонкие ладони на краешке стола. Теперь она жаждала копнуть поглубже. Райн с интересом наблюдал, как меняется ее лицо – пока вместо накрахмаленной аристократки перед ним не предстала сентиментальная тетушка. Едва откинувшись на спинку кресла, Каталина спряталась в тень, оставив на виду лишь яркие белые пальцы, украшенные одиноким кольцом с красным камнем. Камень притягивал взгляд каждый раз, когда свет вздрагивал на его гранях. Отличный маневр.

– Александр, – начала она, – вы, наверное, удивлены, что мое молчание длилось так долго? Что за все эти годы никто из нас не попытался связаться с вами?

Удивлен? Помилуйте! Этот гигантский мавзолей, предусмотрительно украшенный старушкой еще при жизни, изумлял его гораздо больше.

Она смотрит из полутьмы.

Вежливое согласие, никаких претензий.

– Отец рассказывал вам, как он и Элейн пытались... запутать меня?

– Да. Им удалось?

– Немного. Но я быстро нашла их. Надо сказать, похититель из Джеральда Райна вышел никудышный. – Она смягчила эпитет улыбкой. – Я все эти годы наблюдала за вашей семьей.

– Почему же вы не дали о себе знать?

– Элейн сделала выбор. Разве я имела право вмешиваться? Она не слишком доверяла мне, я до последнего момента не знала о ее романе с мистером Райном... Конечно, она поспешила с такой крутой мерой как побег и разрыв отношений, но я смирилась. Ведь она была счастлива? – Каталина покивала головой, вспоминая свою подопечную. – Жаль, что мы так плохо понимали друг друга. Но я выросла и воспитывалась при других нравах и, должно быть, слишком часто пользовалась своим авторитетом. Доверие... такая хрупкая вещь.

Она замолчала, погрузившись в воспоминания. Алекс предпочел не нарушать тишины.

– Но вам ведь интересно, почему я передумала? По какой причине написала вам после столь длительного перерыва?

Он кивнул.

– Да потому что я очень стара, мальчик мой. Быть гордой и оскорбленной проще, когда ты молода. Мысль о том, что умрешь в одиночестве, заставляет на многое поменять взгляды. Правильные они или нет – это уже в прошлом. Я бы хотела, чтобы там они и оставались. – Она сцепила худые пальцы, кожа на них сахарно побелела и натянулась. Алекс почти верил ей. – Могу поспорить, ваш отец никогда не питал ко мне особой любви. А Элейн ушла так рано...

Простите, что напоминаю об этом. Я наблюдала издали, как вы растете, учитесь, устраиваете свою жизнь. Втайне я надеялась получить от вас весточку, но вы тоже молчали. Я полагала, что вам известно о своем происхождении, но поскольку вы не заинтересовались нами, решила не вмешиваться. Однако... время уходит. Мне потребовалось сто лет, чтобы понять, как опрометчиво лелеять старые обиды. Все, с кем я росла, всё, из чего вышла – всё исчезло... или изменилось. Только Астоун остался прежним. Он моя единственная ниточка в прошлое. – Она ласково окинула взглядом библиотеку, стараясь не выглядеть слишком беспомощной.

Райну стало вконец худо. Каталина смотрела пристально, ожидая его хода.

– Я рад, что вы пригласили меня.

– Завтра вернутся из поездки ваши троюродные брат и сестры, вы познакомитесь и... кое-что поймете. Хотя, возможно, у вас, молодых, найдется больше общих интересов.

Каталина оперлась о подлокотники и неторопливо поднялась: – Требуйте всё, что пожелаете, Александр, Астоун в вашем распоряжении. Наслаждайтесь последними спокойными часами... Скоро здесь станет шумно.

Алекс понял, что аудиенция окончена.

* * *

*16 октября
(день второй)*

Утром он завтракал наедине с леди Чесбери. Он заметил, что она стала еще печальнее, а ее пальцы дрожат, комкая салфетку. Казалось, старушку поглотила рассеянность, и она ни секунды не смотрела в одну точку. Видно, ее тоже не слишком радовала подступившая суета. Вскоре, извинившись, она ушла к себе.

Ее предсказание сбылось сразу после завтрака: в девять часов, словно по команде, начали съезжаться родственники и гости. Обжитую часть замка заполонила на удивление разношерстная толпа, оседавшая повсюду цветастыми пятнами. Алекс, как мог, старался укрыться от них, не чувствуя себя готовым столкнуться с новоиспеченной родней. Они, впрочем, тоже не искали его общества. Дабы обезопаситься наверняка, он напросился на экскурсию к Эшби, заодно надеясь, что старик проболтается о чём-нибудь более захватывающем, чем генеалогическое древо Чесбери. Тот немедленно согласился.

Теренс Эшби служил в замке бог весть сколько лет – он наверняка помнил Горов. Возможно, он был тем, кто проводил к хозяйке девушку в пестром платье, если перепуганная Элейн действительно видела убийцу, а не то, что мерещилось самому Райну в последнее время. Он рассчитывал, что под ливрейной корочкой Эшби таится необузданное трепло, и оказался прав.

Однако начал дворецкий издали: сперва поведал ему о трех осадах, пожаре и десятке душегубств – и всё за какие-то четыре сотни лет до убийства Горов. Вскоре Алекс знал, что и где перестраивали, по какому поводу, и как звали трех каменщиков, в тысяча семьсот первом году поднявших обвалившуюся крепостную стену за четыре дня. Леди Каталина хорошо подбирала персонал. Алекс терпел. Эшби продолжал говорить. Казалось, в этом сухоньком человечке поместилась вся история замка с первого дня сотворения, и теперь его разматывало, словно огромную бобину, заполняя пространство вокруг странно звучащими именами и заковыристой чепухой.

Диверсия сорвалась. Необходимость следовать за Эшби отпала еще на лестнице, ведущей в восточное крыло – это было около получаса тому назад, тем не менее, Алекс продолжал волочиться за ним, выслушивая подробности очередного средневекового передела родовой власти с использованием некоторого числа отрубленных конечностей, не считая пары голов. В уме

беспокойно крутились возможные варианты бегства, но все как один казались неидеальными. Можно было сразу броситься с крепостной стены.

Еще через полчаса старик притомился и перешел на более спокойный тон. Гости попадались всё реже, пока и вовсе не иссякли – вместе с любопытными взглядами и расшаркиваниями; замок вокруг притих. Эшби вывел Алекса на недавно пригрезившуюся крепостную стену и остановился, гордо озираясь по сторонам. Судя по паузам и чинному топтанию, он готовился к очередному монологу.

Повернувшись к Райну, старик развел руками, сверкнув в воздухе шелковыми перчатками: – Добро пожаловать домой.

Затем низко поклонился, и глаза его лучились столь искренней привязанностью, что Алекс невольно сделал шаг назад. Мажордом вернулся в исходное положение и, как ни в чём не бывало, засеменил по стене, продолжая декламировать историю замка. В его дребезжащем голосе звучал трогательный надлом:

– Вы должны знать, сэр, что Астоун терпит лишь тех, кто ему по нраву. Прочие через неделю бегут в город лечить мигрень. Но представьте, каково это – *терпеть* из столетия в столетие? Очень мучительно, правда ведь?

Алекс, оставшийся стоять, где стоял, раздумывал тем временем, его ли это голова выворачивает мир наизнанку, или местная популяция сплошь состоит из таких же самозабвенных психов. Последнее не слишком бы его удивило.

– Господин Райн, не отставайте!

Внезапно муторный вой в голове утих.

Контуры стен прояснились, маячившая впереди фигурка Эшби стала четкой, как прицел. Алекс двинулся следом, перебирая новые ощущения. Океан сменил тональность, словно мир накрыли стеклом иного оттенка – едва заметная разница, но всё сместилось, даже тени. Алекс повертел головой, однако иллюзия не исчезла.

Старик провел его через дверь в противоположном конце стены, и они снова попали внутрь замка. Воздух посветлел и окрасился бликами от старой мебели и зеркал. Алекс больше не мерз и не видел очертаний тел за тяжелыми портьерами. Обстановка в Северном крыле была проще, спокойнее, повсюду стояли стеллажи, заваленные книгами и грубоватыми вазочками с сухоцветами. На полках то и дело попадалась разноцветная галька.

Эшби поднял лежавший на пороге камешек и вернул его к собратьям.

– Астоун стоит здесь восемь веков, и он всё такой же, как в первые дни возведения. Его построил известный в наших краях человек, чернокнижник. Не смейтесь, сэр, я знаю, нынче твердят, что магия – сплошь фокусы да басни, а вот строить хорошо так и не научились... Но в наших стенах живет волшебство, поэтому замок держится, целехонек. – Мажордом покоился на Алекса, но тот предпочел этого не заметить. – По округе до сих пор рассказывают сказки – порой такого нагородят, концов не сыщешь. Многие думают, что все Чесбери колдуны. Невежи... Если вам интересно, сэр, у нас есть свои летописи, в библиотеке.

Алекс понемногу приходил в себя. «Летописи» звучало многообещающе, но вряд ли Каталина фиксирует в них заказные убийства. Хотя с его семейством ни в чём нельзя быть уверенным. Райн решил было поинтересоваться, когда он сможет воспользоваться библиотекой, но тут они миновали последний обжитый коридор и оказались под пустым сводом – в голом каменном зеве, лишенным даже паутины. Пол и винтовую лестницу покрывали выбоины, словно по ним дубасили двухметровым топором. Чуть ниже пола отсутствовал кусок перил.

– В этой части замка нет жилых помещений, сэр. Если верить старым планам, здесь располагались мастерские... хм, колдунов, – прокомментировал смену интерьера Эшби. – Есть даже легенда, что под одной из башен скрывается колодец, в котором они общались с потусторонними силами. Жаль, теперь у Чесбери не слишком волшебная жизнь.

– Неужели?

– Именно так, сэра, – педантично откликнулся мажордом.

– Вы сказали, что я могу пользоваться библиотекой. Но мне показалось, что это личный кабинет леди Чесбери, а я бы не хотел беспокоить ее по пустякам.

– Там миледи принимает гостей, но ее кабинет в Южной башне. Вы можете беспрепятственно входить в библиотеку, когда пожелаете – это ее личное распоряжение.

– Леди Каталина очень добра ко мне.

– Безусловно, сэра. Здесь все будут добры к вам.

– И это довольно странно.

– Вот что я вам расскажу. Наша хозяйка многое пережила, и всё – в этом замке. Она берегла его столько лет, а видели бы вы, как она страдала во время бомбежек, думаете – за кого она боялась? Замок хоть и не прост, но кто знает, устоит старое волшебство против бомбы или нет... Но что там бомбы – теперь нас одолевают новые беды. – Старик яростно хмыкнул. – Эти люди приезжают каждый божий день – агенты по недвижимости и «частные лица», хотят купить замок, чтобы устроить здесь гостиницу или еще какой вертеп. Представить страшно, что будет, если они сунутся в Астоун! Но у них ничего не выйдет, потому что леди Каталина скорее умрет, чем продаст замок. А вот дети сэра Чарльза, внуки брата леди Каталины, с удовольствием сбудут его с рук – простите, если говорю что-то неподобающее. Леди Каталина не вечна, пошли ей, Господи, побольше лет, и нам остается только молиться за нее. Но теперь я знаю, что всё уладится – как только вас увидел, так и подумал.

– И какой от меня прок?

– Прошу прощения, сэра – я просто хотел, чтобы вы знали. – Эшби смутился. – Без сомнения, леди Каталина сама введет вас в курс дел. Простите, я позволил себе недопустимо много. – Дворецкий неуклюже засуетился и убежал на несколько шагов вперед.

Алекс примолк. Вот так запросто слуга перекинул его из морока в семейную интригу.

Что же выходит? Внезапный призыв Каталины Чесбери, ее нелестные отзывы о юных родственниках – всё из-за их желания избавиться от Астоуна? С другой стороны, что ей стоит оговорить в завещании запрет на продажу замка? Или она настолько не доверяет племянникам, что надеется поставить между ними и Астоуном человека, который будет бороться за его судьбу так же, как она сама? Могла ли Каталина всерьез понадеяться на то, что пришлому человеку будет дело до ее мавзолея? Ничто не мешает ему пойти по стопам опальных кузенов.

Скорее, она просто использует его – как чучело, попугать слетевшихся на наследство ворон.

Алекс, машинально следовавший за Эшби, вскинулся, заметив, что вокруг стало совсем темно. Вперед убежал длинный коридор.

– Где мы?

Эшби что-то прокряхтел в ответ. Засветил взявшийся из ниоткуда смоляной факел – видно, электричества в этой части замка не было, а фонари отменили за слишком модный вид – и двинулся вдоль шеренги портретов, висевших по правую руку. Алекс нехотя побрел следом, истово надеясь, что это последний круг ада в их культурной программе. Где-то вдалеке гудел ветер, но воздух вокруг оставался сухим и неподвижным. Портреты выплывали один за другим, отталкивая свет факела. Почти все в темных красках, и люди на них смотрели безразлично и немного лукаво. Словно что-то скрывали – как при жизни, так и после смерти; кисть подсветила их лица медовым и голубым. Казалось, все были написаны одной рукой.

Эшби шел медленно. Колеблющийся свет по очереди прикидал к каждому полотну, и они застывали на минуту. Потом Алекс почувствовал, что старик поторапливает его, и через несколько метров догадался, почему. Строй заканчивался, перед ними был последний портрет.

Витражное окно, рядом человек в балахоне – на его запястье сидит белая птица; вокруг него так темно, что фигура кажется вырастающей из стены. Мужчина не молод, в волосах седые

штрихи; во взгляде, обращенном к птице, ничего. Еще лет двадцать, подумал Райн, прикупить дурацкий костюм – и вперед, пугать здешний народ, крутя фонарики на чердаке. Странное дело, он смотрел на самого себя. Алекс отвел взгляд. Подождал пару секунд, надеясь, что галлюцинация исчезнет, как в прошлый раз с фотографией.

Не помогло.

– Вас не удивило, что все знают вас в лицо – еще до того, как вы успеваете назвать свое... имя? – Голос Эшби выплыл из тишины, но на последнем слове дрогнул.

Алекс обернулся. Старик повыше поднял дымящий факел.

– Она думает, что решает сама, знает, чего хочет от вас. Она... не знает. Она... Астоун привел вас. Он будет служить вам. Загадайте желание – и оно сбудется.

– Какое желание? – Райн почувствовал, как холодеют виски.

– Вы должны быть здесь. Дайте Астоуну заговорить... и вы услышите остальных. Всех, кого так долго... искали.

Старик накренился, словно надеясь найти спиной опору. Его глаза в панике метались от картины к картине, но губы двигались спокойно, а голос звучал всё размереннее. Алекс оглянулся на портрет.

Очертания рамы дрогнули. Каменный коридор исчез.

Алекс стоял на длинной галерее: вокруг светлый металл, стены испещрены сложным узором, они поднимаются вверх, в голубое марево. Их подсвечивают мерцающие жилы – они движутся, ветвятся и едва слышно звенят. В воздухе носятся светлячки. Алекс приглядывается: нет, не светлячки, крохотные механические имитации – один «жучок» повис на его рукаве, уцепившись причудливыми лапками. В конце галереи парк. Видно, как листва отливает аметистом. Алекс сделал шаг навстречу... и едва не сбил с ног размахивающего факелом старика с рыбьими глазами.

Шарахнулся назад. Что-то толкнуло в спину, он инстинктивно ухватился за хрупкий столик. Непрочное дерево взвыло, эхо погрома с клеточкой умчалось в темноту. Вновь тихо затрещал факел.

Эшби стоял, прислонившись к противоположной стене, и моргал, как ослепленная сова.

– Господин Райн... – Мажордом покачнулся, плеснув на портрет темноту. Его лицо свело недоумением.

Алекс не двигался.

– Пойдемте, сэр, скорее. – Факел внезапно задымил. – Мне... Леди Каталина хотела побеседовать с вами... до обеда.

Алекс подождал, пока Эшби тронется вдоль стены в обратном направлении, и лишь затем оглянулся.

– Господин Райн, – немедля заскулил старик.

Алекс взглянул в смутные черты своего двойника. В наклоне головы застыло неоконченное движение, будто тот хотел отвернуться или упасть в темноту за край картины.

– Вы можете снова придти сюда, если пожелаете осмотреть портрет лорда Дариуса. Но сегодня давайте вернемся вовремя. Прошу вас, господин Райн!

Алекс поспешно отступил вслед за дворецким.

* * *

18 октября, 18:21
(день четвертый)

В окно падали узкие снопы осеннего света. Белый бархат искрил нетронутым настом, комната вздыхала шорохами тонущих в ковре голосов. Алекс с трудом создавал иллюзию бодрости. Вечернее солнце терлось о шею, мягко грело волосы. Изогнутый диван обхватил цве-

тами и птичьими лапками, затканными на шелку, и оттого неимоверно клонило в сон. Райн вежливо улыбался. Беззлобно проклинал своих гостеприимных хозяев – с их лицемерными посиделками и муторным ароматом фиалок.

Но было что-то еще, он не мог заставить себя уйти. Они светились, словно ожившие фигуры с портретов.

Каталина благосклонно болтала с Ричардом Уэйнфордом, своим вечно насупленным племянником, последним лордом Чесбери. Алекс незаметно наблюдал за ними. Старушка едва не напевала – трудно было поверить, что она способна придти в столь бодрое расположение духа по доброй воле. Ричард размеренно кивал на ее разглагольствования о местной экономике и перестройке розового сада на южной стороне замка, опустошая кофейные чашки одну за другой. Он выглядел старше своих лет – худой, поджарый, с резко очерченными скулами, одетый столь же вычурно, как его древняя тетушка. Они с Райном были погодками, но за ровесников их мог принять только слепой. Возможно, из-за отчужденности во взгляде и этих вечно скривленных губ – Ричард не улыбался, даже когда язвил. В его голубых глазах не отражалось ничего, кроме разбавленного электричеством дневного света. Разве что раздражение. Алекс пытался, но не смог не заметить: он не понравился Уэйнфорду до такой степени, что уже вторые сутки кузен ходил за ним по пятам. Райн незаметно зевнул. Ужасно хотелось спать.

Господин Уэйнфорд являлся счастливым обладателем двух сестер. Обе – рыжеватые блондинки, светлоглазые дивы, столь же противоестественные в стенах Астоуна, как электричество и телефонная связь. Сперва Алекс не заметил ничего, кроме их кукольных лиц. Старшая, Виктория, резвилась, как ребенок. Каталина постоянно одергивала ее, не стесняясь присутствия Алекса. В ход шли неизящные приемы: старушка не переставала напоминать, что девице двадцати семи лет отроду не пристало вести себя так, словно двадцать из них завалилось за каминную трубу. Именно из-за неприкрытого интереса Виктории к Райну бедняга Ричард не находил себе места. Он рьяно опекал старшую сестру, с удивительной легкостью игнорируя младшую. Впрочем, последняя не без удовольствия глумилась над всеми присутствующими. Алекс по достоинству оценил юмор Элинора, он – и Каталина, которая прощала ей всё.

Эти две женщины казались удивительно похожими. Судить об их внешнем сходстве было сложно из-за разницы в возрасте, но в повадках они звучали почти в унисон. Разве что Элинора действовала жестче, и Райну доставалось ничуть не меньше, чем брату и сестре, хотя официально он всё еще считался гостем. Она цеплялась за любой повод, умничала, язвила, почти выставлялась, но при этом не давала почувствовать в себе ни единого изъяна. Элли всё обращала в шутку и смеялась так искренне, что даже у Ричарда начинали дергаться уголки губ.

Впрочем, вчера вечером она сумела-таки разозлить Райна, когда тайком пробралась в его комнату с намерением учинить обыск. Он вовремя застал лисицу, они самозабвенно поругались. Но всё закончилось проще, чем она рассчитывала – Алекс отчитал ее и выставил вон. Наутро она пришла каяться. Правда, ей опять не повезло: в его комнате оказался Эшби с очередным приглашением на завтрак от леди Каталины.

Алекс не чувствовал, что ему становится лучше, однако страх всё еще пасовал перед любопытством. Еще несколько дней, твердил он себе, каждое утро откладывая звонок домой. Ему снова мерещились ажурные башни из металла, иногда на спинке кровати сидела маленькая птица. Вечером он запирает дверь на ключ. Ночью ажурный замок неся в тишине сквозь мерцающую темноту.

* * *

*19 октября, 23:43
(день пятый)*

И вот теперь он сидел в своей комнате в Северной башне, вымотанный праздником в честь столетия Каталины. Шторм крепчал – тот самый, что предсказывал накануне Эшби. Клекот воды слышался всё отчетливей, будто океан выбирался из чугунной лохани. Ветер пытался забиться под кровлю, Алекс чувствовал, как тот скребется где-то поблизости. Несмотря на толстые стены, в комнату проникал холод.

Или он шел изнутри?

Огонь в камине угасал. Райн вяло следил за ним, уже не в силах подняться и что-то предпринять для их обоюдного спасения. Вскоре останутся лишь угли – багрово-красные, с золотистой каймой, – которые дотлеют в темноте. Слабый отсвет стелился у самых ног, покачивая тени.

Нет, он ошибся, это не ветер. Это ворочалась за окном ночь. А где-то всё еще есть утро. Джулия смотрит в окно, позабыв о работе, в глазах плывет другое небо... Он протянул руку, чтобы коснуться ее волос – и обжегся о ледяной переплет старой книги. Через силу открыл глаза.

Ветер с разгона ударился лбом о шероховатую стену, Алекс вздрогнул. На миг промелькнула мысль, что башня не выдержит и обвалится. Становилось всё холоднее.

О чём он только думает?

Алекс рассмеялся, чтобы услышать свой голос. Во рту пересохло. Тело прикинулось прожарившей куклой, разве что не скрипело. Он пошевелился, неловко попытался встать. Глубокое кресло держало его мертвой хваткой, и он с облегчением откинулся назад. Может, всё не так уж плохо. Нужно только переждать эту ночь, а потом...

Темно.

Он протянул руку и нащупал настольную лампу. Света не было.

Ему наконец сделалось страшно. Ужас, запаздывавший на месяц, рухнул, словно топор. Мысли захлопали крыльями, и как в насмешку – пустые щелчки выключателя и гаснущие угли. Несколько так и остались светиться в темноте, подмаргивая, как глаза подслеповатого чудовища. В глубине неба зафыркала гроза.

Райн чертыхнулся, стараясь совладать с собой. Встал, наощупь пробрался к стене и нашарил другой выключатель. Напрасно, света не было – скорее всего, во всём замке. В подвале имелась автономная подстанция, но мысль о спуске туда в кромешной темноте не выглядела особо умной.

В Астоуне было пусто. После праздничной суматохи гости укатили в ближайший городок, поискать более подходящих развлечений. Остались лишь Каталина, ее секретарь и личная служанка. В отдельном флигеле, в парке, ночевал сторож. Теренс Эшби куда-то запропастился сразу же после официальной части банкета, но теперь наверняка бродит неподалеку. После происшествия в галерее Алекс избегал его; старик держался почтительно, но временами кидал на Райна испуганные взгляды.

«Нужно было уехать вместе со всеми». Мысль была запоздалой, и от нее подташнивало. Вспомнив прием – прекрасных кузин, не дававших прохода, незнакомцев, пялившихся на него несколько часов кряду, – он понял, что наилучшим вариантом было вообще не приезжать в Англию. После того как леди Чесбери заявила, что вскоре обнародует свое завещание, болото расходилось, будто в него кинули увесистый камень, и Алекс оказался в эпицентре катаклизма. Для них он был интересной темной лошадкой, у которой неплохой шанс придти к финишу первой. Нет, все-таки его действительно тошнило.

Из-под двери пополз знакомый ветерок, пропитанный ознобом и фиалками. Наступила полная темнота. Алекс понял, что теряет представление о своем положении в пространстве. Он привалился к стене, чувствуя, как соленая влага оседает на лицо, волосы, проникает сквозь одежду. Наконец догадался, что позиции сдал не только разум – тело последовало дурному примеру.

Он нашел свечи, благо они были расставлены по всей комнате. Вскоре замигали три огонька, то и дело норовя сорваться, но кольцо тяжести вокруг него немного разжалось. Алекс вытер мокрый лоб и присел на краешек софы. Его лихорадило. Теперь он в этом не сомневался. Но замок был пуст, за стенами – грозовой шабаш. Проверив телефон, Алекс убедился, что и здесь ему не повезло. Оставалось дожидаться утра. Спать он не мог. Сидеть тоже. Помимо лихорадки, из углов подбиралась клаустрофобия.

Сейчас бы он согласился на всё – даже на общество Эшби.

На ум снова полезли мысли о Горах. Мозг принялся строить догадки, и под конец ему стало казаться, что это он лежит на влажном асфальте и слушает, как с бульканьем выплескивается из горла кровь. *Кто-то склоняется над ним. Сквозь веки он видит лицо и мечущиеся на ветру темные волосы. Они поблескивают на солнце. Лицо не хочет складываться в единое целое, но оно знакомое.* Алекс разбудил себя стоном. Дернулся, хватая руками воздух, и едва не свалился с софы. Свечи догорали. Скоро снова наступит темнота.

Пошатываясь, он нашел запасную связку свечей и принялся выскребать оплавившиеся огарки. Пальцы не чувствовали горячего воска.

Ну вот, свет еще на час или два.

Чернильная яма над замком роняла в океан раскаленные спицы. Буря гоготнула, звякнув оконной рамой. Ему нужно было чем-то себя занять, чтобы пережить одиночество и эту ночь. Должно быть, Каталина еще не спит. Стоит у окна и смотрит на волны.

Райн вцепился в серебряный канделябр. С минуту качался, не зная, куда понесут ноги, потом медленно шагнул к двери. В коридоре стояла знакомая темень, и он побрел наугад. На лестнице ветер задул свечи.

Алекс прижал к груди подсвечник. Ни один угол не попался ему на пути, хотя он мало что видел. Запах грозы становился всё отчетливей, и в какой-то миг гром рывкнул с такой силой, что Райн застыл на месте, оглохнув вдобавок к слепоте. Ему показалось, что все части тела теперь так далеки друг от друга, что он никогда не сможет сделать следующий шаг.

Откуда-то пробивался свет. Он плясал выгнутой золотой шпагой, норовя уколоть в висок. Сюда. Выползает из-за приоткрытой двери. Даже покачиваясь, огромная створка не скрипит – а может, Алекс всё еще глух. Он накрыл ладонью медную ручку, неосторожно надавил.

В комнате горел камин. Тепло кружило вместе с запахами фиалок и горьковатой пыли – так пахнут старые фотографии. Кресло-качалка, застывшее без движения, уронило рукава стеганого пледа. Повсюду свечи. Каталина спала. Заснула у очага, обхватив руками обтянутый бархатом альбом. На мгновение Алекс протрезвел от лихорадки, поняв, что спит не он, а она, и надо бы уйти, пока никто не обнаружил вторжения.

Через секунду он забыл об этом. Здесь почти не было слышно грозы – только треск поленьев за каминным экраном и дождь. Он не заметил, как вошел и замер позади кресла. Сбоку висело огромное зеркало – зеленоватое, похожее на поверхность обледеневшего озера. Он не желал смотреть в него. Белизна седых волос, тонкая кисть, впившаяся в бархат. Разбудить ее? Чтобы задать всего один вопрос. Чтобы увидеть, как в ее глазах зашевелиятся тени.

Он протянул руку, но не смог коснуться.

«Почему они мертвы?»

Алекс поднял глаза. В зеркале проступало старческое тело. Взгляд Каталины – зелено-холодный, как застывшая вода. В нем поздно было искать отражения.

Огонь беззвучно захрустел березовой растопкой. Райн стоял и смотрел в зеркало. На мертвое тело, на мужчину с белым пятном вместо лица и на черный силуэт за его спиной.

* * *

Фигура в темном не шевелилась. Огненные искры пробежали по длинному балахону – целые россыпи рыжих огоньков. Медленно возвращался приторный запах ледяного эфира. Алекс обернулся.

Это был не страх – глухое отчаянье. Слова не помогли бы, даже крик. Черный силуэт колебался, словно его сдувало, как свечное пламя. Капюшон был слишком глубоким. Алекс хотел позвать его, хотел поймать и рвать на части.

– Подойди...

Существо не отвечало, не двигалось. Алекс сделал шаг, что-то со звоном ударилось о пол, силуэт шарахнулся прочь, падая в коридорные тени. «Лови!» – ахнули стены, и он бросился следом.

Несколько раз он падал, спотыкаясь на крутых ступенях, камень саднил кожу. Коридор плясал под ногами, как бешеная лошадь с гранитным хребтом, но Райн лишь старался не потерять призрак из виду. Тот мельтешил впереди, и черные одежды хлопали за спиной, как сло-маннные крылья. Казалось, он вот-вот настигнет его, пальцы вонзятся в искрящуюся ткань. Но силуэт таял за новым поворотом. И внезапно Алекс понял: он упустит его. Все сны были об этом.

Он не успел остановиться. Налетел на выступ перил и упал, теряя сознание.

...Гладкая дымка подсвеченной грозой темноты. Прохладная, застывающая в легких. Шум голосов. Тихо звенят дождевые капли. Во внутренностях застрял горячий шип, кровь ртутными шариками катается по венам. Он лежит на каменном полу и бездумно смотрит вверх. Взгляд густой каплей скользит по стене. Еще ниже. Касается лица, застывшего в темной раме. «Снова ты». Утомленные глаза Дариуса. «Хорош, да? Валяюсь, как дохлая ворона». Дариус усмехается, белая птица на его руке взмахивает крыльями и беззвучно клекочет. «Почему ты не остановил его? Ведь это твоих рук дело... что мои мозги спеклись».

Алекс закашлялся. Дариус кивнул в ответ. По руке что-то медленно поползло. Райн поднес ее к лицу, безразлично слизнул кровавую каплю. «Лучше бы помог».

Позади раздался шорох.

Райн с трудом перевернулся на живот, приподнялся, держась за стену. Вокруг, покачиваясь, висели крохотные «светлячки». Под хрустальными крыльями мерцали огоньки – голубые, белые, земляничные. Он смотрел, не дыша. Они тонкой цепочкой убегали в темноту, и он пошел следом, позабыв о ранах.

Они вспыхивали, когда он проходил мимо, и гасли, оставшись позади. Они тянулись к его ладоням. Вели по коридорам, сквозь анфилады и галереи – и пышным каскадом падали в бездну незнакомой винтовой лестницы. Ноги сами несли его вперед. Ступеней оставалось всё меньше. Вот последняя, обрываются перила. На стенах кропят голубоватым огнем символы. Шепчутся. Там, в самом низу, дрожат камни, горят и торопят. Он отчетливо слышит каждое слово. Скрипят тяжелые створки. Медленно открываются. Слишком медленно. Слишком медленно для *него*.

Он прижимает ладони к полу, тихо зовет. Что-то хлещет в ответ, камень под ногами осыпается горячей золой. «Вернись», приказывает он.

В ответ – шорох темной одежды.

* * *

На мгновение он открыл глаза. Кто-то склонился над ним.

– Джулия... – узнает он, но она исчезает, заносимая стеной из черных перьев.

Глава третья

Астоун

20 октября, 5:47

Маленький человек нетерпеливо топтался у кованых ворот замка Чесбери, стуча небритой челюстью. Шаткая походка недвусмысленно намекала на то, за какими занятиями провел ночь посиневший от холода господин. Вид у него был жалкий. Он тихонько ругался в бесчувственной тишине, сменившей ночной шторм, поминая долгожителей, местный климат и автомобильные заводы.

Час назад его новенький «линкольн» застрял посреди пустынной дороги, растеряв половину внутренностей, – пришлось бросить машину и идти пешком. Он надеялся набрести на забегаловку или заправочную станцию, но вместо этого уперся лбом в ненавистные ворота. На вчерашнем банкете он сделал всё, чтобы избежать внимания леди Чесбери, и вот – теперь торчит под ее дверью, как голодная дворняга. И деваться ему совершенно некуда. Правда, он не жалел, что унес ноги из ресторанчика, где всю ночь напролет веселились ее гости, – ведь он успел до приезда полиции. Сейчас там, должно быть, жарко. Элинор постаралась, стравила своих ухажеров, и уютное местечко мгновенно превратилось в иллюстрацию к мафиозному роману. Хорошо хоть, до смертоубийства не дошло, но крови и сломанных костей всё равно оказалось с избытком. Что и говорить, у девчонки талант превращать людей в животных.

– Рыжая стерва, – пробурчал он, вспоминая золотинки на изогнутых ресницах. «Бес ее дери».

Он кружил здесь уже четверть часа, но в замке по-прежнему было тихо. В ответ на его истерические звонки не последовало даже ленивого ругательства, а похмелье и без того тяжелая штука, чтобы множить его на холод и стояние на своих двух. Лучше бы он остался в салоне «линкольна» и как следует отоспался.

Со стороны въезда послышался шум легковой машины. Бедняга засуетился, решив, что возвращается кто-то из семейства Уэйнфордов и его наконец-то пустят в тепло. В тумане скрипнули тормоза, щелкнула автомобильная дверца. Незвестный постоял несколько секунд, а затем зашагал к воротам. Явственно застучали женские каблукки.

«Элинор, – подумал он. – Только эта чертова баба способна выйти сухой из воды и отправиться домой, как ни в чём не бывало. Надеюсь, она в хорошем расположении духа – после такого-то представления».

Однако по первому пункту он ошибся. Незнакомка шла неуверенно, запахнувшись в серый дорожный плащ. В тумане ее короткие темные волосы словно плыли отдельно от лица. Когда она наконец заметила человека у ворот, то и вовсе остановилась, и несколько мгновений бедняга покорно ждал, не соизволит ли дева раствориться в утренней дымке, оставив его сожалеть о том, что он допился до белой горячки. К счастью, она оказалась милосердна и не сыграла с ним столь злобной шутки. Какое-то время они разглядывали друг друга.

– Простите... – Девушка заговорила первой, и он тут же уловил незнакомый акцент. – Это замок Чесбери?

– Он самый, милочка. Какой напастью вас сюда занесло?

Почувствовав доброжелательность в его голосе, девушка улыбнулась и подошла поближе.

– Я кое-кого ищу. Мне очень нужно попасть внутрь. Вы не могли бы мне помочь, мистер...?

– Маклинн, – он поклонился. – Кто же по доброй воле ищет встречи с семейством Чесбери?

Она улыбнулась еще шире и протянула ему руку: – Джулия Грант.

Они познакомились.

– Я бы с радостью помог, но мы с вами в одной лодке. Похоже, там все умерли. – Он указал подбородком на темные шпили замка. – Рановато мы здесь оказались.

С этим она не спорила. Сумерки отливали замутненной синью, но фонари вдоль дороги не горели. По-видимому, не только телефонная линия вышла из строя. Джулия вспомнила пустую квартиру Алекса, внезапный звонок, путаную речь Джеральда. Страх. Она пыталась найти Рональда, но многоуважаемый мистер Тэйси не отзывался, поэтому она отправилась сюда одна. И вот теперь паника, терзавшая ее всю дорогу до замка, обрела реальную форму – форму этих высоких, намертво закрытых ворот. Возможно, она была слишком самоуверенна, решив, что Алексу будет от нее прок, но ведь избавиться от двух свидетелей сложнее, чем от одного. По крайней мере, так она себе говорила. Джулия поежилась и упрямо вцепилась в замковую решетку. Ирландец продолжал искоса наблюдать за ней, но ее не особо волновало, что он подумает; ей пригодится любая помощь, если придется прорываться внутрь.

Маклинн тем временем настороженно изучал темное пространство за воротами. У него чесался язык пораспросить мисс Джулию Грант, но выражение ее смуглого личика отбивало всякую решимость.

– Хм... Странно. У Чесбери отменная прислуга. Обычно в любое время вам откроют дверь и хотя бы выслушают. С другой стороны, не каждый день хозяйка отмечает столетний юбилей. Может, нам лучше вернуться в город?

– Кто это там? – Девушка не обратила внимания на его предложение, продолжая пристально вглядываться в глубину парка. В обрывках тумана и впрямь показался расплывчатый силуэт. Маклинн сощурился и тоже вцепился в ворота.

– Эй, эй, мистер! – вдруг завопил он. – Идите-ка сюда!

Призрак испуганно застыл. Потом, покачиваясь, послушно поплыл в их сторону, и через пару минут перед ними проявился заспанный сторож.

– Простите, сэ,р, мэ,м, – сразу же забормотал он, – вы давно ожидаете?

– Достаточно давно, чтобы юная леди промерзла до костей. – О своей скромной персоне он упомянуть забыл. – Что с вами, милейший? И вам бывает вреден ликер на сон грядущий?

Сарказм ирландца не достиг цели. Сторож на какой-то момент потерял равновесие: – Извините... – залепетал он. – Что-то... всё плывет.

Джулии показалось, что тот сейчас бросится прочь, чтобы облегчить желудок, но бедняга сдержался. Его осоловевшие глаза с трудом сфокусировались на посетителях. Она бросила взгляд на Маклинна. Сторож выглядел не столько пьяным, сколько больным.

– Давайте, давайте. Открывайте поживее.

Тот поспешил выполнить приказ.

Следуя по аллеям за уверенно шагавшим Маклинном, Джулия старалась представить на них Алекса, увидеть его хотя бы на этой дорожке – но у нее ничего не вышло. Красота старого парка казалась нарисованной декорацией, а сквозь нее проступала массивная черная стена. Астоун.

Они миновали высокую арку с бешеными лошадьми и вошли во внутренний дворик, вымощенный красным камнем. Здесь тоже было пусто. Джулия вопрошающе посмотрела на ирландца, но тот лишь улыбнулся в ответ. Его щетинистое лицо из голубоватого медленно становилось цвета слоновой кости.

– Давайте подождем Эшби. Это главный мажордом, – пояснил он. Его бравый вид, несмотря на похмелье, мог бы внушить ей уверенность, если бы что-то колючее не скреблось под сердцем. Тревога рывками перетекала внутри, заставляя нервно озираться.

– Прошу вас, господа. – Сторож решил проявить инициативу, не дожидаясь дворецкого. – Проходите в дом, тут такой холод.

Маклинн галантно взял девушку под локоть и потянул за собой.

– Подождите! – Она внезапно вырвалась, потом сама вцепилась в рукав ирландца. – Слушайте! Вы слышите?

Мужчины уставились на нее, ничего не понимая.

– Да прислушайтесь же! Слышите?!

Оттолкнув Маклинна, Джулия бросилась туда, откуда шел голос.

Спотыкаясь и скользя на покрывшихся ледком камнях, она проскочила в попавшуюся на пути дверь, промчалась по веренице коридоров и маленьких лестниц и с размаху вбежала в узкий подвал. Остановилась, переводя дыхание. Перед ней была плотно пригнанная деревянная дверь. Заперто? Джулия изо всех сил уперлась в громадину ладонями, и дверь раздраженно подалась. Девушка протиснулась внутрь и на мгновение ослепла: кругом была темнота. Синие круги назойливо замельтешили перед глазами. Мрак рассасывался медленно, словно густая жижа, проступили неровные линии – старая рухлядь, раскиданная по углам. Джулия на ощупь шагнула вперед. Глаза с трудом привыкали к слабому свету, проникавшему из оконца под потолком, но вскоре она прозрела.

На полу лежал человек.

Кажется, она закричала. Очнулась уже на коленях. Принялась судорожно всматриваться в черные полосы поперек его лица и груди, боясь прикоснуться и понять, что опоздала.

За спиной послышались чьи-то голоса.

– Алекс... Алекс!

Его веки дрогнули, запавшие глаза попытались ее разглядеть.

– Джулия... – хрипло позвал он и умер.

* * *

Полицейский участок
18:29

– Сэр, можно с вами поговорить?

Дэн Байронс оторвался от экрана персоналки и невесело воззрился на сослуживца; парень немедленно подался назад – не любил он этот знаменитый байронсовский взгляд: сочетание голубого с красным было не самым симпатичным зрелищем на живом человеке.

Дэн скривился, угадав ход его мыслей. – Проблемы?

– Как всегда.

Байронс оглянулся по направлению его взгляда и увидел худую фигуру в безукоризненно деловой драпировке. Вокруг визитера витал аромат высоких чинов, в глазах дрожала злобинка. Резко вернувшись в исходное положение, Дэн несколько секунд восстанавливал дыхание.

– Хорошо, я им займусь. – Он встал, натянул на лицо привычное выражение. Незнакомец терпеливо ждал, сканируя взглядом пространство. Никто не решался к нему подступить, не без оснований подозревая вышестоящую инстанцию, только Филипс рискнул предложить кофе. Кофе был любезно отвергнут.

– Рад, что ты не стал спасаться бегством, Байронс.

Дэн стиснул челюсти, пожимая протянутую руку. Пришелец ослепительно оскалился. Несмотря на возраст, у него были прекрасные зубы. – Ничего, что побеспокоил?

– Сюда, – буркнул Дэн, направляя его в свой маленький кабинет.

– Благодарю.

– Мог бы протрубить во все фанфары, а я бы заранее подготовил речь, – съязвил детектив, плотно закрывая дверь и запирая ее на ключ.

– Не шуми, Байронс, ты передо мной в долгу. А я, как ты знаешь, человек злопамятный.

– Да уж.

Он обернулся, с трудом сдерживая раздражение. Худой человек вольготно развалился в его любимом кресле.

– О, а у тебя всё по-старому, – гость осторожно принялся. – Всё еще куришь этот ядерный табак. Спорю, и читаешь только по выходным. – Он насутился, поскольку не выносил ни того, ни другого.

– Работа такая. А ты что, явился критиковать меня?

– Тебе этого определенно не хватает, зазнался ты здесь, дружище. Однако у меня к тебе дело.

– Боюсь спросить. Нужна помощь в Охоте?

– Что ты, какая Охота! Я уже лет десять на пенсии. Пока обычное расследование. – Гость улыбнулся, знакомым жестом потер запястье. – А вот вести его будешь ты.

– Надо же.

Дэн принялся катать по столу ручку.

– Никакой заметной самодеятельности. Будешь чин по чину стряпать документацию, собирать показания. Как обычно. Интересный пункт всего один: не важно, сумеешь ли ты официально подтвердить вину подозреваемых; важно, чтобы ты их нашел. И вот тут, если нам не повезет и ты столкнешься с чем-то не вполне... банальным, твои охотничьи таланты будут как нельзя кстати.

– Что за дело?

– Ты согласен?

– На *что* согласен?

– Э, нет! – Пришелец покрутил головой. – Сперва я получу согласие.

– Расписаться кровью? – ощерился Байронс.

Вот черти, снова ворвались без предупреждения. Дэн даже не знал, чего ему хотелось больше: чтобы гость немедленно убрался из его кабинета, или сигануть в окно самому. Оба варианта ничего не решали. Гость склонил голову на левый бок. Дэна всё сильнее беспокоило странное напряжение, притаившееся под знакомым налетом сарказма, который сидящий напротив человек вырабатывал вместо углекислого газа.

– Достаточно простых чернил.

– Хорошо. Отвертеться я всё равно не могу.

– А хочешь?

Байронс не ответил. Двадцать лет он размышлял об этом дне, о том, что они все-таки могут прийти, но не догадывался, что это случится вот так. Запросто.

– Преступление произошло?

– Да.

– Значит, дело уже кто-то ведет. Если оно вообще не уплыло в другой отдел.

– Не уплыло. Я подсутился, тебе его вскоре предложат. Это ведь твоя территория, ты здесь, знаешь ли, знаменит.

Дэн бросил на него резкий взгляд.

– Да-да, ты достиг всего. В этом очаровательном и бесконечно волнующем оазисе с населением в четыре тысячи триста восемнадцать человек. А, прости, четыре тысячи триста семнадцать. За вычетом леди Чесбери. Хотя, кажется, я опять был неточен – тебя считать?

Байронс безмятежно допил оставшийся с утра кофе. – Так что случилось?

Гость потер длинные ладони и склонился на правый бок. – Предположительно, покушение на убийство. И убийство. Это по нашим данным.

– Еще информация есть?

– Хочу, чтобы ты сам сделал выводы.

– По-прежнему экзаменуешь?

Он сказал это и сам вздрогнул. Старик тихо хмыкнул.

– Теперь уже не я.

Дэн тщетно искал, за что бы зацепиться, чтобы избежать предложенной роли: – Будут проблемы с Фитцрейном. Он копает под меня, «знаешь ли», и я уверен, что тебе об этом известно.

– Здесь все под тебя копают, не только твой шеф. Неужто не привык? Ты же вызываешь несправедливый интерес, вот даже у меня.

Опять недомолвки.

– Мы давно друг друга знаем, Дэн. Ты до сих пор жалеешь, что ушел от нас.

– Да. Но выбора не было.

– Забавный человек. Выбор? Ты отказался его делать. А в итоге что? Всё равно вернулся к исходной точке.

– Неправда.

– Неужели? Конечно, ты поступил так, как считал нужным. И я сейчас сделаю то же самое.

Гость скользнул рукой за пазуху и чем-то звякнул. Душа у Дэна ушла в пятки.

– Не забыл, что это? – В узкой ладони блеснул черный продолговатый камень, подвешенный на платиновую цепь. Камень был гладкий и невзрачный.

– Не надо.

– Бери.

– Нет.

– Теперь он твой – хочешь ты этого или нет. Ты будешь хранить его. Как видишь, в итоге всё равно не нашлось никого, кто смог бы им воспользоваться. Как бы ты не старался. Впрочем, можешь снова поступить, как двадцать лет назад. Где тут мусорная корзина? Вот эта, у двери?

Дэн молчал. Его придушила тревога, почти страх. *Они* всегда появлялись лишь затем, чтобы раздражить его, поманить иллюзией, за которой можно укрыться от всего, даже от одиночества и самого себя. Только двадцать лет назад он понятия не имел, что в его случае последний пункт вовсе не метафора.

И этот камень.

Байронс протянул руку, камень мягко влетел в ладонь.

– Теперь о расследовании, – словно ни в чём не бывало, заговорил старый друг. – Речь о деле Александра Райна.

* * *

Клиника св. Иоанна

24 октября

Джулия сидела возле укрытого белым человека и слушала, как он дышит. Алекс спит, он жив. Значит, однажды снова откроет глаза. Он выжил, несмотря на сдержанные маски врачей, на их двусмысленные утешения. Алекс Райн всегда норовит сделать по-своему. Джулия ласково отвела с его лба темную прядь. На каждый жест в ней тихо откликнулась непривычная нежность. В ту минуту, когда она услышала шепот в подземелье, что-то внутри выпорхнуло из темноты и теперь кружило, как оглушенная птица. Все чувства обострились. Джулия боялась пропустить момент, когда Алекс проснется, посмотрит на нее – и в его глазах отразится узнавание. Третью ночь подряд ей снилось, что они не смогли спасти его.

Она гладит выбившиеся из-под повязки волосы – в прядях мерцает белизна. Джулия отводит взгляд. Мутная история с убийством на дороге – их нынешняя реальность, забывать об этом нельзя. Может быть, позже, на другом берегу океана...

– Алекс, – шепчет она, – просыпайся.

Он не отвечает. Темные волосы под больничной повязкой продолжают сесть. Врачи разводят руками – «невозможно», но ничего не меняется. Она редко плачет. К счастью, Алекс всё равно не слышит. Ни голос, ни чувства не в силах нагнать его.

Скрипнула дверь, в палату проскользнул кто-то, привыкший не шуметь. Джулия обернулась, шаря в сумраке взглядом: медсестра. Смотрит, не решаясь заговорить, как будто что-то в силах потревожить полумертвый сон Алекса.

– Простите. Там посетители к мистеру Райну. Я сказала, что он спит, но они хотят подождать. Может, вы поговорите с ними?

«Нет», хотела ответить Джулия, но осеклась. С трудом стряхнула с себя апатию и встала. – Они из полиции?

– Нет. Это две молодые женщины, родственницы мистера Райна.

Надо же, всё-таки объявились. Элино́р и Виктория Уэйнфорд.

– Пожалуйста, передайте им, что я сейчас выйду.

Она всё же колебалась несколько минут. Не хотелось сталкиваться с этими женщинами, но увиливать было поздно.

Джулии показалось, что в коридоре слишком светло. Она так привыкла к больничной обстановке, что уже не замечала ни запахов, ни людей с напряженными лицами. Всё ее внимание сконцентрировалось на Алексее – остальное ушло за грань реальности. Только изредка, из неосторожных фраз, она узнавала, чем он жил здесь и кто его окружал.

– Мисс Грант. Сюда. – Медсестра проводила ее в комнату ожидания.

Посетительницы сидели в креслах у окна, но, увидав Джулию, непринужденно вскочили и направились ей навстречу. Угадать, кто есть кто, оказалось проще, чем она думала. И даже не знаменитые зеленые глаза выдали Элино́р Уэйнфорд, истории о которой передавались из уст в уста по всему городу, оседая на белых халатиках медсестер. Дело было в улыбке – в ней таилась особая мягкость, шипящая искорка дурмана. Джулия смутилась – и удивилась этому.

– Здравствуйте. Я – Элино́р, а это Викки, моя сестра. Мы приходили раньше, но нас не пускали. Как он? – Она по-детски выпалила всё на одном дыхании, и ее глаза замерцали, стараясь очаровать. Джулия поежилась на сквозняке, убеждая себя, что ей это мерещится.

– Без изменений. Почти всё время спит.

– Наверное, это хорошо. Врачи говорят, что он очень сильный.

– Так и есть.

– И теперь он вне опасности. Благодаря вам.

Джулия промолчала, откупившись улыбкой. Элино́р продолжала сверлить ее взглядом. Несомненно, ей тоже хотелось узнать, каким образом Джулия Грант умудрилась услышать голос Алекса в подземелье. Но Джулия не собиралась ей объяснять. Она и сама не знала. Виктория, кротко застывшая рядом, безучастно слушала их диалог, внимательно глядя то на сестру, то на Джулию. Когда они обе замолчали, на ее лице отразилась слабая тревога, уголки губ вздрогнули, но она по-прежнему не осмелилась сказать ни слова. Глаза с поволокой – как у новорожденного щенка, подумала Джулия, – скользили от предмета к предмету с механической беспрепятственностью.

Пауза затянулась. Элино́р с поразительным радушием рассматривала Джулию, а у той не было сил реагировать на это иначе, нежели усталым молчанием (она бы заснула, стоило ей прислониться к неподвижной поверхности). Похоже, единственной среди них, кого эта тишина действительно смущала, оказалась Виктория.

– Мы хотели попросить вас, мисс Грант, когда он проснется... Скажите, что мы очень тревожимся за него... – ее голос был настолько слаб, что Джулии пришлось напрячься, чтобы разобрать слова. – Пускай он простит нас за то, что мы оставили его одного в ту ночь. Мы не могли предположить... И тетя Каталина... умерла так внезапно. Мы теперь совсем одни. Мы не хотим лишиться его...

«Даже не надейтесь». Джулия сделала над собой еще одно усилие, стараясь говорить мягко:

– Конечно, я всё ему передам.

Теплота в ее голосе слегка успокоила Викторию. Та вспыхнула благодарной улыбкой и порывисто коснулась ее руки, – но быстрое скольжение гладких пальцев вызвало у Джулии оторопь. Виктория споткнулась об ее изменившийся взгляд и отпрянула за плечо сестры. Элино́р совершенно некстати усмехнулась. Сделала вид, что пытается совладать с собой, но уголки красивого рта по-прежнему кривились. Джулия начала злиться. Вокруг сестер плясали шустрые тени, а она была слишком вымотана, чтобы не замечать их.

Виктория заговорила снова:

– Мисс Грант, через четыре дня будут оглашать завещание тети Каталины. Мы тянули время, но, похоже... – Она запнулась. – Похоже, мистер Райн не поправится так быстро. А мы нуждаемся в его присутствии.

– Поэтому, – перебила ее Элино́р, – мы просим вас приехать как его доверенное лицо.

– Хорошо. Куда и когда?

– Двадцать шестого, в Астоун, в четыре часа. Мы придем за вами машину. Она доставит вас в замок и отвезет обратно, если пожелаете.

Это было на руку Джулии, она не хотела оставлять Алекса одного надолго.

– Тогда до встречи, мисс Грант. – Элино́р сощурилась. Оглянулась на сестру, давая ей знак прощаться.

– До свидания, – почти шепотом откликнулась Виктория.

Джулия облегченно вздохнула.

Они ушли, оставляя в коридоре едва ощутимый запах духов; Джулия помнила его – всё тот же аромат фиалки. Сердце было тяжелым и ленивым. Скоро ей придется вернуться в их дом, впервые после... Нет, нельзя. Не надо думать об этом сейчас. Еще слишком рано.

Джулия наконец-то перестала рассеянно всматриваться в пустоту в конце коридора и повернулась к палате Алекса. И тут что-то произошло. В первый миг она остолбенела, незнакомый инстинкт царапнул по нервам. Потом поняла: чей-то взгляд. Всего лишь взгляд – секунду назад она смогла бы разобрать лицо, но теперь оно распалось на части в сновавших вокруг людях. Джулия запомнила лишь глаза, светлые, как кубики сухого льда. Еще несколько минут она озиралась по сторонам, словно в этом был какой-то смысл.

* * *

*Полицейское управление
25 октября, полдень*

Дэн привычно изображал старый локомотив, перемещаясь по кишасшему коллегам офису. Ну, разве что не скрежетал. Куда бы он ни двинулся – от входной двери до личного закутка, из кабинета до кофейного автомата, или на вызов, – его движения были размеренными, взгляд – задумчивым, и остановить его было невозможно. Байронс не считал нужным переживать из-за вспенивающихся за спиной взглядов: они всё равно не отстанут.

Когда-то он свалился в эту контору, как в плотную гипсовую повязку, не дающую толком двигаться или дышать. Зато по ее границам он распознал контур собственного «я», хоть это и не доставило ему особой радости. Годы шли, его интересы оставались тайной для заинтригованных сослуживцев и, возможно, именно поэтому его положение было не ахти какое: даже спустя двадцать лет ему почти никто не доверял. Но выбор был осознанным, и он каждый раз с чувством удовлетворения вносил разброд в слаженный механизм местного подразделения, поделившегося на оппозиции задолго до его появления на этот свет. «Тайная» междоусобица в управлении не особо выкручивала руки закону, поэтому Дэн предпочитал не вмешиваться.

К сожалению, мало у кого была такая возможность. Желание тихо работать обернулось против него: он не просил денег, не требовал повышения, не интересовался ничем, кроме расследований – конечно, он что-то замыслил; подозрение только закрепилось после того, как Байронс мимоходом отправил в отставку позапрошлого начальника, наследившего в его деле. С тех пор противостояние между Дэном и преходящим старшим инспектором стало чем-то вроде спасительного цирка для остальных – никого не увольняют и виновных вроде как нет. Начальники спускали собак на локомотив, а тот чесал дальше, попыхивая самодельной сигаретой. Подставить Байронса было трудно. Да никто и не пытался всерьез: зачем гнать премиальную дойную корову, ответственную за основной процент раскрываемых дел?

Для Дэна каждое утро в участке начиналось с простого и приятного факта: он неплохо втиснулся в самоповтор вчера, которое было позавчера и настанет завтра. Ему дали крохотный узелок ответственности на плечо, и этот вес его вполне устраивал. Возможно, он стал машиной – наподобие кофейного автомата, – в которую каждый может бросить монетку и получить правильный ответ. Монетка, правда, пролезала крохотная, потому и вопросы он принимал соответствующего размера. Никто ведь не предполагал, что дедукция и реакция – далеко не весь арсенал инспектора Байронса, как никто не замечал бродящего по участку кофейного автомата с вечно красными от недосыпа глазами. Включился утром, отщелкал пару задач, выключился на ночь. Только вот спать по-человечески у Дэна не выходило.

На его счастье, коллеги не смогли разузнать, чем он занимался до того, как пожаловал в их городок – тогда ему было тридцать пять, и поначалу он показался всем немудреным и замкнутым парнем. За двадцать лет, проведенных за расследованием краж и редких случаев насилия, Байронс оттаял. «Очеловечился», как любил говаривать его напарник, не представляя, насколько меткое выдал определение. Дэн даже выучился шутить, а тот факт, что большинство коллег считали его юмор насильем над здравым смыслом, принимал за комплимент. Пожалуй, он никого не боялся – кроме себя. Амбиции местного начальства время от времени раздражали, но не настолько, чтобы ударится во все тяжкие и наломать костей. Привязанности? Нет, уже давно и с того момента без перемен, а новых он не искал. Одним словом, жизнь из коротеньких ребусов длиной в пробег угнанного автомобиля или стащившего выпивку подростка была спокойной и намертво присохшей гипсовой повязкой. И она даже не чесалась.

И куда теперь? Байронс чувствовал перемены, как старую мигрень. «Кое-кто» объявился после двадцати лет забвения, делая вид, что не происходит ничего особенного. Как будто решил всё отыграть назад. Или попросту забыть, схватив Дэна за шиворот и вытолкнув в стратосферу – как есть, в гипсе и соплях.

Дэн засунул руку в карман, потыкался пальцами в холодный, гладкий камень. Эта штука была похуже стратосферы, и ее отдали легкомысленно, как запоздалый подарок, не стеснясь и не соблюдая правил. Хотел бы он знать, что у них стряслось. Заявились к нему посередине бела дня и тащат обратно, хотя он ушел сам и возвращаться не намеревался. Обычно в Семье не нуждались в людях с его проблемами. Уж они-то видели, к чему это приводит – как раз на его примере.

«Да, Байронс, скоро тебя начнет корезить, как в былые времена. Будь готов».

В местном муравейнике тоже неладно. Впервые за много лет паленым тянет с такой силой. Любопытно, что произойдет, если кто-то из коллег поусерднее прополет грядку и наконец найдет его старое досье – скажем, нынешний старший инспектор Фитцрейн. У Дэна было много «легенд», да и шефу вряд ли покажется странным, что Байронс когда-то работал на Интерпол, но даже Фитц не преминет задуматься о причинах его ухода. С какой стати ловкий парень променял стоящую карьеру на кабалу провинциального полицейского? И ведь докопается. Зря думают, что у Фитцрейна мозгов нет, просто они расположены не в том месте. Вот тогда и начнутся проблемы, пускай маленькие, но досадные. Особенно на фоне кувырканий в стратосфере. С тихой жизнью в местных пенатах можно будет попрощаться навсегда.

Дэн вздохнул – незаметно и тоскливо. День паршиво начался и приближался к не менее паршивой кульминации. Грела только одна мысль: он наконец-то отвоевал дело Алекса Райна.

Из коридора выпорхнул нагруженный папками напарник и, сделав изящное па, затормозил в шаге от Байронса; на длинной физиономии отразились все признаки нездорового ажиотажа. Похоже, он пропустил ланч.

– Дэн-бери-две-верхние-и-идем-пока-я-не-сдох-от-голода! – залпом выдохнул он, тяжело кренясь набок. Байронс поспешно выдернул указанные папки, и напарник с шумом ухнул грудой на стол. Полицейские вокруг заозирались. – Живее, у меня вместо кишок отглаженные спагетти!

Они выбрались из участка, прихватив с собой заметки по делу Райна.

Маленький паб Элиота Кроу – их плацдарм – располагался в изрядном удалении от места работы, что исключало «случайные» визиты коллег. Внутри было тихо и сумрачно, бармен следил за каждым, не позволяя напиваться до свинского состояния. Скорее всего, дело было в проценте отставных боксеров из местного спортивного клуба, числящихся в завсегдатаях заведения. Дэна тут знали все.

Трейд Коллинз стал его правой рукой в тот самый день, когда Дэн впервые переступил порог их маленького полицейского участка. Что и говорить, напарничек из Дэна вышел отменный – желание двинуть ему возникало само по себе. Сработались они лишь потому, что Коллинз до смешного боготворил принципиальность (или то, что он за нее принимал), плюс в одиночку у него не было шансов устоять перед мышшиной мясорубкой вокруг кресла старшего инспектора. И когда Байронс окопался за своим столом, наплевав на всё, кроме работы, Коллинз понял, что благоговение – самое верное слово для описания его чувств. Неприязнь к Дэну передавалась по наследству от старшего инспектора к преемнику, и дальше становилось только хуже, но о своем выборе Трейд не жалел: шефы приходили и уходили – в отличие от Байронса. Тот даже сам как-то раз умудрился отказаться от черного кресла. Иногда Коллинза навещала мысль (чаще, чем бы ему хотелось), что коллега витает в облаках или попросту чокнулся, но именно за это Дэна обожали все, кто был в состоянии пережить его дурацкое чувство юмора. Трейд даже считал себя его другом. Хотя порой ему казалось, что друзья Дэну так же безразличны, как и враги.

Они пробрались в свой любимый темный угол и угнездились за столиком. Дэн заказал кофе и пудинг, Коллинз нервно потыкался в меню – помечтал о пиве, но взял чай и всё съедобное, что пришло сегодня на ум местному повару. Разговор намечался серьезный, а Трею еще предстояло пережить ехидный Дэновский взгляд, способный до язвы желудка и без абсурдного расследования, в которое они на свою беду ввязались. Трейд хотел честно напиться. Позвонить в участок и сказать больным. Но предлагать подобный план Байронсу бессмысленно, он на дух не переносил пьянки. Коллинз ни разу не видел его навеселе, хотя точно знал, что в маленькой квартире Дэна стоит секретер, в котором одна дюжина винных бутылок сменяет другую, словно по расписанию. И каждый раз это очень дорогая дюжина. Было мучительно ловить осуждающие взгляды человека, на две трети состоящего из вредных привычек и дурной кармы. Но, как говорится, не пойман – не вор.

Байронс смачно кромсал пудинг, игнорируя Коллинза и его алкогольную дилемму. Вздохнув, Трейд налил себе чая и принялся жевать картофельные шарики. К сожалению, шарики вскоре закончились, количество тарелок начало стремительно уменьшаться и через четверть часа он обнаружил, что деваться ему некуда. Протерев салфеткой стол, он разложил отчет, затем медленно перетасовал страницы из папки в папку. Байронс лениво отпивал горячий кофе, щурясь и оглядывая зал. Трейд пропустил момент, когда тот нахмурился и поставил чашку на стол.

В кабаке вошел мужчина в дождевике розового цвета. Присел за стойку, скрипучим голосом заказал минеральную воду. Повертел в руках стакан, не стал пить и ушел. За соседним сто-

ликом чертыхнулась официантка, брезгливо подняла со стула потрепанную куртку, из рукава которой спланировали на пол две десятифунтовые бумажки, а следом куча мелочи, приткно зацокавшей под стол. Бармен низко заворчал, девушка поспешно собрала деньги и отнесла на кассу. Дэн усмехнулся. В углу мелькнул рыжий кот. Пригибаясь, обежал помещение, вскочил на пустой столик в центре зала и хрипло заорал. Взвизгнуло несколько женщин, официантка швырнула в паршивца мокрой тряпкой. Когда Трей закончил сортировать бумаги, Байронс криво улыбался.

Несколько секунд напарник изучал его лицо, стараясь припомнить, видел ли он подобное раньше. По всему выходило, что нет.

– Дэн... Ау? Я пробовал разобраться – толку ноль. Только не говори «как обычно».

– Я говорил такое? – удивился Байронс.

– Нет. Но, спорю, думал.

Дэн безмолвно передвинул к себе ближайшую папку и принялся перелистывать документы.

Обычно чтение не отнимало у него много времени, – но только не в этот раз. Он замирал над каждой страницей и перечитывал снова и снова, оживленно сигналив правой бровью. Особенно его заинтересовало заключение медэкспертизы. Ну, в кои-то веки.

Трей ждал, с трудом сглатывая нетерпение. Из-за этого дела он лишился завтрака и обеда. Здесь было всё, чего не стоило желать в расследовании – отсутствие улик, прямых свидетелей и в некотором смысле потерпевшего. Зато имелось полтора трупа. Точнее, второй им едва не стал, но толку от него было еще меньше. Коллинзу очень хотелось брякнуть Дэну свое любимое «Ну?», но преображенное интересом лицо Байронса не располагало к междометьям – вот он снова ухмыльнулся, с редкостно противным звуком карябнув деревянную крышку стола. Трей не выдержал и тихонько вздохнул. Дэн бережно перевернул последний листок и допил остывший кофе.

– Ну?

Байронс опустил чашку на блюдце: – И что ты об этом думаешь? – мурлыкнул он вместо ответа.

Коллинз нерешительно пожал плечами:

– Ты у нас ас, вот и разбирайся. А я – пас. Мне проще поверить, что наши напортачили при сборе свидетельств... Но ты, похоже, так не думаешь?

Байронс отрицательно покачал головой. Затем сел в свою любимую позу – чересчур прямо, склонив голову набок и положив неподвижные пальцы на край стола.

– Ладно. – Трей потыкал зубочисткой в пепельницу, где меланхолично тлел окурок Дэновской сигареты. – Возможно, это лишь неудачное стечение обстоятельств. Или хорошо спланированное покушение, только непонятно, зачем было доводить его до абсурда. Сразу наводит на мысли. Но вот в чём беда: берешься за первый вариант – случайностей слишком много, за второй – изощренность граничит с фантастикой. Даже не просто граничит, это и есть фантастика. Я весь день пытался свести концы с концами, толку-то... – Трей вяло протянул Дэну листок с парой авангардных чернильных клубков, изображавших вероятные схемы преступления. – Сперва Каталина Чесбери. Вот заключение Мэткена: естественная смерть, блокада сердца, в ее возрасте ничего удивительного. При вскрытии обнаружили кучу старческих болячек, включая кардиосклероз. Семейный врач говорит, что старушка никого к себе на пушечный выстрел не подпускала, так что вовремя установить диагноз и принять меры у него возможности не было. На сердце она никогда не жаловалась – сам помню, вполне бодренькая была. Аж жуть... Так о чём это я? – Он перерыл папку и достал другой листок. Оглядел с ехидцей: – Второе происшествие в том же месте и в то же время: «несчастный случай» с Александром Райном. – Принялся читать: – Ну, для начала всякая ерунда – ссадины, ушибы, порезы... Ага! Переломы обеих ног в голених, перелом правой ключицы и семи ребер, сильное

сотрясение мозга, ожоги первой степени и, напоследок, рваная рана в области бедра. Солидно? Объясни мне, как цивилизованный человек может так изувечиться в домашней обстановке, не прибегнув к посторонней помощи? Но самое интересное дальше: после пяти дней комы он приходит в сознание и выглядит здоровее меня в конце рабочего дня.

Дэн не перебивал. Коллинз выдохнул и уронил листок.

– Хотя – нет, я соврал, это не самое интересное, – продолжил он. – Согласно нашим чудо-экспертам, все раны мистера Райна стерильные. Колотых и огнестрельных нет, нанесены различными предметами, но ни одного мы так и не нашли. В замке – чисто. Получается, что парня могли избить или сбросить с лестницы, а мог и сам упасть. Правда, после кто-то тщательно обработал все открытые повреждения – наверное, побоялись, что бедняжка схлопочет заражение крови, а также затерли саму кровь, которой он потерял предостаточно. Среди Чесбери есть вампиры? Отметь, никаких следов борьбы. Даже если бы Райн свалился с самой высокой лестницы в Астоуне, то под ней бы он и остался, ножки-то тю-тю. Но! Его нашли в подвале, в котором всё та же картина: крови нет, улики нет. – Коллинз махнул рукой: – Синяки и порезы – бог с ними. Переломы? И переломы сойдут. Но откуда ожоги? На что он напоролся, едва не оторвав себе ногу? Почему на нем нет ни единой пылинки, хотя нашли его в самом грязном закутке этого чертового замка? Ну, хотя бы на спине! А что с головой? Ах, да – голова! Последние новости. Сегодня утром он начал соображать, но когда его спросили, что с ним стряслось, у него обнаружилась... та-дам! – посттравматическая потеря памяти. Занавес.

Трей выдохся и умолк. Байронс поглядел на него с сочувствием, но вполне по-дружески.

– Худо, – высказался он.

– Ну скажи мне, дураку, что это было?!

– Как насчет предпоследнего пункта, который ты опустил? Накануне Райн был болен – вирусная инфекция, возможно, грипп. Судя по всему, он перенес кризис на ногах. Знаешь, что такое кризис? «Острое течение может сопровождаться лихорадкой, состоянием бреда, аффектацией и потерей сознания», – процитировал Дэн и увидел, как просветлело лицо Коллинза.

– Ага! – подхватил тот. – Райн пошел шататься по замку, забрел к леди Чесбери и напугал ее до смерти. Затем помчался биться головой о стену, попутно решив поиграть в оловянного солдата. А заночевал в камине? Нет, Дэн, на объяснение это не тянет. Какой надо было ядреной дури нажраться, чтобы такое учудить. А он и в этом смысле... «стерилен».

– Но у леди Чесбери Райн все-таки был. У нее нашли подсвечник из его комнаты, с его отпечатками. Служанка утверждает, что накануне вечером этой вещи там не было. Но я о другом. Если Райн был болен и находился в невменяемом состоянии, с ним могли сделать что угодно. Вопрос в том, что именно с ним хотели сделать.

– Его могли подкинуть. Подсвечник, я имею в виду – это к версии об убийстве. Вот, послушай. – Коллинз снова вдохновился. – Все, кто был на банкете, утверждают, что леди Чесбери глаз не спускала с Райна, намекала на завещание и всячески его обхаживала. Допустим, она действительно ему что-то оставила – завтра мы об этом узнаем. Зато вот Райн завещания пока не писал. Некто был в курсе и решил, что самое время устранить неудобного родственничка.

– И как «он» это сделал?

– Накачал Райна быстро выводящейся химией, чтобы симитировать убойный грипп, и приложил об пол с высокой лестницы. Правда, зачем было тащить его в подвал? Наводит на предумышленное... Н-да, концы не сходятся, как ни крути. И еще кое-что, ну просто докапывает, сил нет. Прочитал в рапорте, глазам не поверил, хотя чему уж тут удивляться после всего.

– Джулия Грант?

– Она самая.

– Слышал о телепатии?

– Она что, телепатка?

– Откуда мне знать, просто такие вещи случаются.

– Райн находился в южном крыле, в подвалах, там когда-то были темницы. Даже если бы он орал во весь голос, его бы никто не услышал. Думаю, потому он там и оказался. Предположим, Джулия Грант заранее знала, где он, но тогда получается, что она в этом замешана. А где мотив? Зачем она бросилась спасать его, если дело было практически сделано? Замучила совесть? Или ее кто-то предупредил? Но опять же-таки, кто – и зачем? И по какой причине она это скрывает?

– Отличные версии, есть, с чего начать.

– Издеваешься?

– Отнюдь.

– И что будем отрабатывать?

– Факты.

– Что, прости?

– Факты, Коллинз. Для начала тебе надо смириться с тем, что у нас есть, иначе ты так и будешь долбиться в «этого не может быть».

– Как смириться? Вот с этой фигней? Может, тебе раньше приходилось видеть подобное, но я себя чувствую... я себя чувствую так, словно меня снимают скрытой камерой! Все эти совпадения... – Он прижал ладонь ко лбу, будто проверяя, нет ли у него жара. – Каталина Чесбери умерла. Вызвали семейного врача засвидетельствовать смерть. Внезапно появляется девушка, которая слышит голос Райна; она идет на этот «голос» и безошибочно находит его в совершенно незнакомом месте! А ирландец? – Трей встрепенулся. – Что дернуло его схватить появившегося врача и поволочь следом за девицей, когда он ни черта не знал, что именно происходит и куда она умчалась? У Райна на десять минут остановилось сердце. На десять минут, Дэн! Если бы не притащили доктора, у нас было бы два трупа. А теперь у мистера Райна амнезия, какая удача. Нет, я не спорю, ему досталось, но я не верю в потерю памяти. И врачи, кстати, тоже. Скажи, скрытой камеры точно нет?

Трей выглядел так, будто сейчас заплачет.

– Кофе хочешь? – спросил Дэн.

Коллинз вздрогнул. – Хочу. Хочу, чтобы меня тоже слышали сквозь стены.

– Мы этого пока не доказали. Полагаю, всё гораздо проще. Может, тебя с фантазией об утке в винном соусе развезло?

– Это дело – утка, – огрызнулся Трей. На секунду задумался. Потом вдруг с пугающей скоростью расцвел улыбкой от уха до уха: – Так вот, значит, для чего ты взял дело Райна? Чтобы достать Фитцрейна?

– Поклон твоей логике.

– А как же? С тех пор, как он спутался с Викторией Чесбери, расшатывание их благородного склепа ему вовсе не на руку.

– Слухи?

– Никак нет. Джек Фаэрби помогает ему с оформлением развода.

Дэн задумчиво склонил голову на другой бок. Коллинз поцокал языком и заговорщически навис над столом:

– Есть еще кое-что. Парень, первым бравший показания у Джулии Грант, сказал одну презанятную вещь. Я не вижу ее в официальном отчете, но он говорил мне лично: сперва мисс Грант была уверена, что до нее в подвал никто не заходил. Когда она открыла дверь, на полу был толстенный слой пыли – и никаких следов. Потом, конечно, там натоптали врач и ирландец с дворецким, а под конец она сама отказалась от своих слов, потому как не была абсолютно уверена... А как же, телепатия – дело серьезное, по сторонам не повертись.

Дэну почудилось, или Коллинз искренне злорадствовал над бедственным положением следствия?

* * *

20:40

Со стороны могло показаться, что Дэн спешит. Задрал воротник и надвинул шляпу, словно забрало, он не отрывал глаз от дороги и не оглядывался – лишь изредка смахивал с ресниц постоянно налипающий снег. Ветер, поднявшийся после полудня, толкавший в спину, пока они с Коллинзом шли к пабу, теперь вовсе осатанел. Снежная крупа хлестала со всех сторон, Байронс тщетно кутался в осенний плащ, но холоду было плевать. Через какое-то время Дэн перестал сопротивляться. Почти с облегчением прислушался к боли в онемевших ладонях, уцепился за нее, стараясь отвлечься. Ноги сами гнались за смутно маячившим впереди. Был это вопрос или ответ, он толком не знал.

«Сожаление».

По дороге домой он думал только о том, в какой хитроумный расклад его закинуло, и как он боялся, что это случится, и как этого хотел. Уже давно кто-нибудь должен был разрубить лихого детектива Байронса пополам, чтобы обе его половины перегрызли друг другу глотки и успокоились на чём-то одном. Туда или сюда. Стать убойным поленом или пьянствовать в одиночку в крохотной квартире на втором этаже, в городке с населением в четыре тысячи триста восемнадцать человек, не пьянея, без забытья? Похоже, все эти годы вовсе не детектив Байронс притворялся полицейским без чувства юмора, а полено прикидывалось полицейским, и так искренне. Теперь всё рухнет. Лишь потому, что старым друзьям понадобилась его помощь. Вранье. Просто к самому носу поднесли долгожданную конфету, вот он и завертелся волчком. Вдруг на этот раз получится? Вдруг за дверью никого не будет? Шанс. Снова искать себе место, снова надеяться перебороть иссушающую тоску, страх перед собой, перед затягивающим вперед чувством, словно подминающая воздушная волна из-под поезда. Но даже в тот вечер на пустыре, – ему всего пятнадцать, но он уже чувствует неладное за восторгом, – Дэн хотел только одного: сбежать.

...Загородная пустошь была его собственным испытательным полигоном. Он часами учился останавливаться возле самой земли и тихонько скользить над ней, пока хватало сил. Похожий на громоотвод незнакомец появился из ниоткуда, огляделся – взгляд на сухую землю, на покореженный металл, залитый маслянистым желтым светом, – обронил: «Сейчас ты вряд ли чего-то боишься и это не особо умно. Перед тобой два пути: можешь пойти со мной или дальше упражняться на партизана в трико, а потом пойти со мной. Первый вариант сэкономит нам время и нервы. Полагаю, ты выберешь второй». Догадка оказалась верной.

Старик вскоре растворился в воспоминаниях – вместе с полетами и пустырем. Взамен Дэн получил тревогу длиной в десять лет и шириной в шрам на боку от ржавой железяки, остановившей его падение с заоблачной высоты. В забытье не было ничего удивительного.

Может, с тех пор он и не летал, но всё еще оставался весьма способным. Он всегда знал, чего хотел: быть хорошим парнем, и эта мысль не покидала его ни в небе, ни после спуска. Армия оказалась неподходящим местом, оставалась полиция. Он прошел сложный, но быстрый путь до мечты, напоминавший о чём-то, но сомневаться Дэн не желал. Пока в один далеко не прекрасный день, в разгар штурма бомбейского наркопритона, куда его закинули в поисках дипломатского сына, ему не вспомнились слова десятилетней давности. Правда, это случилось уже после того, как его оружие дало осечку, под ребро угодил грязный нож и два человека – напарник и наркоман, обменялись огнестрельными приветствиями. Погибли оба. На этом очередной полет Дэна подошел к концу. Чуть позже, в больнице, его навестил похожий на ультрамодный громоотвод знакомый. Старик хмыкнул: «Не там ищешь», и всё вернулось. В мгно-

венье ока Дэн остался без призвания, без понимания того, что и зачем делает, – бездумно лежащее на простынях тело с ноющей раной под ребром. Визитер удовлетворенно скривил лицо: «Волков бояться – в лес не ходить. Рискни, Байронс. По крайней мере, в нашей чашобе не торгуют героином. Своей хрени навалом, но ты же любишь разгрести конюшни. Милости просим. Только, пожалуйста, без трико».

Так Байронс попал в Семью Далимара, телком на веревочке. Он начал учиться донельзя странным вещам – еще более странным, чем полеты над пустырем и стрельба по людям. Спустя несколько лет Дэн впервые услышал *вой*. Он глушил его, как мог, но тот лишь нарастал; что-то приближалось на всех парах и оно шло изнутри. Пока однажды они не столкнулись лоб в лоб – Байронс и кто-то чужой, с легкостью вывернувший наизнанку всё, что было в Дэне хорошего. Смертей чудом удалось избежать, но он не смог забыть не помещающееся внутри чувство непричастности к самому себе, эту легкость, с которой он мог пожертвовать всем – на какое-то мгновение жизнь перестала иметь значение. Его друзья, его воспоминания, его собственное существование. Остались только точка «а» и точка «б», и заданная между ними прямая. Для того, кем Дэна пытались сделать, это было недопустимо. Человек, не видящий оттенков, не имеющий желаний, превращается в инструмент – например, для заколачивания гвоздей. Ни Семье, ни себе самому он таким не был нужен.

Вскоре Дэн ушел, Семья не стала его удерживать. С тех пор он делал всё возможное, чтобы не приближаться к центру воронки, из которой поднималось его новое «я». Лишь иногда по работе, на цыпочках, подкрадывался к самому краю – и бегом назад. Он думал, в Семье поняли, поэтому и оставили его в покое. Выходит, ошибся. «Что ж, мистер Райн, вашими стараниями я снова увяз по уши. Как бы нам обоим не пришлось об этом пожалеть». Каждый факт говорил, что собирать улики о приключениях в Астоуне обычным способом бесполезно. Это еще не Охота, но всё равно придется переступить за отмеченную для себя черту. И Дэн не знал, как долго продержится после.

Он добрел до своей улицы, и приутихшая было метель снова неистово вцепилась в полы плаща, толкая обратно под арку. Камень в кармане щипнул электрическим разрядом, на мгновение снег вокруг неподвижно завис. Дэн вырвался из оцепенения и раздраженно хлопнул по плащу: «Рано, спи».

Уже взял след, принохивается. «Ваш след взял, мистер Райн, будь у вас хоть трижды амнезия. Или вы просто боитесь показаться чокнутым, рассказав, как всё было на самом деле? Непросто было, да? Страшнее, чем сломать пару костей. Видать, завелся у нас „серый волк“ – свой или гастролер, вот что интересно».

Возможно, «волка» наняли отпрыски Чесбери. У них есть мотив, и далеко не всегда самое очевидное решение оказывается ложным. Да и старина Фитцрейн слишком уж переживает за ход расследования, а когда наступает это «слишком», Дэн чует за версту. Вырвав дело Райна, он лишил начальника контроля над ситуацией, но тот не уgomонился, напротив – с утра битый час красноречиво плясал с телефоном, требуя «не мутить воду понапрасну». Воду в чьем пруду, спрашивать не было надобности.

Дэн миновал угол галантерейного магазинчика, поздоровался с сидящим на мостовой каменным котом и быстро проскользнул в подъезд. На лестнице было пусто. Байронс снял шляпу, неловко завертел головой, вытряхивая снег из-за шивороты, и через ступеньку затрусил наверх.

Он жил в небольшой квартире в самом конце коридора. Правда, слово «жил» не отражало сути: Дэн лишь изредка забегал сюда переночевать или написать отчет, когда в участке становилось слишком шумно. Трей уверял, что у него чересчур чисто для холостяка-нелюдима, и вечно косился на секретер. Байронс пожимал плечами. Если в его доме и появлялись женщины, то, как правило, ненадолго. Фокус с порядком был прост: не раскидывай барахло

где попало, и крохотное бытовое пространство почти навсегда замерзнет в идеальном стазисе. Трей, конечно, не верил, да ну и шут с ним.

Сквозь щели в шторах серыми тенями падал снег. Остановившись в полутьме, Дэн беспокойно следил за ними, изо всех сил сопротивляясь следующему движению. Внутренний секундомер вертел хвостом, подтягивая момент, когда придется признаться себе, что он, Дэн, идиот – как того и требовало его новое положение. «Ключ у меня, сыр съеден. Теперь, и правда, всё». От знакомого чувства эйфории до тоски почти не оставалось протяженности.

Прошлое играло в регби в его черепной коробке, перекидывая чувство вины от одного обстоятельства к другому. Сколько у него времени, прежде чем вернется *вой*? Нужно успеть. Всего один нырок.

Байронс достал из кармана темный камень и уставился на него, будто на злейшего врага. – Если ты ошибся насчет меня, нам трындец.

Камень отразил упавший на него свет и стрельнул в Дэна бликом. Ровная, без единой царапины поверхность псевдогематита казалась на ладони сгустком свернувшейся крови. Дэн задумчиво погладил его холодным пальцем. Когда-то давно Ключ ожил в его руках. Сколько лет назад? Воспоминания остались яркими, как свежая акварельная картинка. Байронс усмехнулся. Пальцы свела судорога – он слишком сильно стиснул оправу. Платиновая цепочка тихонько звякнула.

«Что ж, давай узнаем, что случилось с Райном». И Ключ впился в замок – в тот самый, что отделял Байронса от двух самых важных вещей в его жизни: от мечты и от полной бессмыслицы.

Затем Дэна согнуло пополам. Пришлось упереться в крышку стола, но тот мгновенно превратился в тающий пластилин. Волна рухнула сверху, словно гладкая сеть на нагое тело – в ней не было веса, но она вжимала в пол ватными ладонями. Дэн чувствовал, как с каждой секундой слабеют мышцы. Он с трудом переполз в гостиную, подальше от входной двери, и упал на ковер.

Вокруг, застревая в уголках глаз, плыла мутная синева. Дэн слышал тончайшие звуки, пробивающиеся из-за окна; откуда-то потянуло бразильским кофе – от этого невыносимо захотелось чихнуть. Воспоминания возвращались. Камень с каждой секундой становился всё горячее, в кожу уперлись бесплотные иглы. Тепличный воздух расцвел запахами влажной листвы и шафрана.

Всё совсем не так, как было в прошлый раз.

Тогда под ногами переливался узор криптограммы, начертанный на каменном полу настоящим кровавиком; налетали мириады огоньков, превращаясь в тропу. Сейчас чуть потрескивает статическим электричеством потертый ковер: опаляются ворсинки, тлеют, выдыхая облачка дыма. Нужно решать. Уже почти нельзя повернуть назад.

Человек на пустыре. Синие тени.

«Кто это был?»

Тени пляшут в масках, человек стоит в центре круга. Тело поднимается над землей, рывок. Мир исчезает в волне желтых бликов.

На секунду Дэн увидел свою комнату. Воздух сгустился, предметы завибрировали и размазались сплошной кляксой.

Навстречу неся голос – он прошел насквозь и разбил его тело на мириады желтых искр.

Густое, как мед, сияние темнеет, сворачивается в новые формы. Дэн увидел тропу и свои старые следы. Он помнил, что нужно вдыхать память как можно глубже и держать внутри, пока не вернешься обратно. Тропа вспыхнула и прилила к его ногам...

Вопрос привел Байронса в самое подходящее место, в Дельг. Здесь ничто не менялось, словно взгляд замораживал увиденное на вечные времена. Для Дэна он притворялся осинами и корабельными соснами, подножием леса, скрытого туманом и сумерками. Дэн мог брести

часами по просеке, не сдвинувшись ни на шаг. Дымка смыкалась над деревьями, раскинув спирали и смерчи белых коконов, сквозь них смотрели знакомые лица. Дэн знал их всего мгновение. Пахло сентябрем и молниями. Россыпи сосновых иголок беззвучно хрустели под ногами, ломались и исчезали.

Деревья разошлись складками. Дэн понял, что его Вестник прибыл: тень от призрачного ствола распалась надвое, обозначив силуэт в длинном сером балахоне. Незнакомые символы вспыхивали на ткани быстрым рисунком, лицо скрывал капюшон. Возможно, он не скрывал ничего.

Пришелец не стал подходить близко, Дэн тоже. Слова в Дельге не имели силы, единственным способом общения были мыслеобразы, похожие на телепатию. Всё, что видели глаза, могло оказаться обманом. Можно было говорить со зверем в образе человека, с человеком, похожим на туман, или с чем-то совсем иным с лицом самого себя, и никогда не узнать правды. Только если удастся вновь встретиться в плотном мире, подмена станет явной – выдаст «спектр». Дельг не прятал истинных цветов. Дэн взгляделся в своего Вестника: вокруг балахона медленно вилась темно-синее пламя, широко охваченное по краям серым. Плохой знак – это существо умирало.

Пришелец шевельнулся, и туман взвился, раскинув над ним белые крылья. Тьма под капюшоном блеснула чем-то холодным:

Пыльный каменный пол. Неподвижный человек лежит лицом вверх, прижимая руки к груди; это Райн, но у него белые волосы.

Дэн спешит привыкнуть к ранящей близости чужого сознания. В надежде, что пришелец всё-таки из своих, спрашивает напрямую:

Белая стена, четкие черные буквы на английском, французском, немецком, китайском... – «Кто это сделал?»

Вестник молчит. Дэн поспешно гасит разочарование, делает новую попытку:

На тело лежащего в подвале Райна падает чья-то тень.оборот...

Вестник сжался, обхватив себя руками, словно внутри него что-то болело.

Снова не отвечает. Дэн настойчиво показывает картинку снова и снова, но Вестник не откликается. Времени не так много. Дэн меняет вопрос:

Две белокурых девушки с неестественно красивыми лицами и бледный насупленный мужчина. Они смотрят друг на друга, будто указывая на виновного.

Вестник жестко отталкивает видение. Колеблется, затем:

Райн. Вокруг темно – лишь немного освещено лицо и стена позади, поперек нее огромная картина. На смазанном полотне белым выведено по-английски «Помоги. Имя»

Дэн переборол раздражение:

Черные буквы – «Говори со мной».

Вестник низко опускает голову: **«Райн будет вне опасности, если ты поможешь».** **Перед Дэном полыхнуло незнакомое женское лицо. «Защити ее, и он не будет страдать.»**

Дэн пытается вернуть Вестника к разговору о нападавшем, но тот упрямо игнорирует его старания. В конце концов, Дэн сдается:

«От чего я должен защищать ее?»

Казалось, Вестник тихо вздохнул; по его «спектру» пронесся стремительный белый смерч:

«Ее убьют. Кто-то придет. Ты должен знать, кто. Скажи мне»

Дэн замер в замешательстве:

«Я не прорицатель»

Лица Вестника не видно, но чувствуется его взгляд; он смотрит в упор:

«У тебя Ключ».

Дэн сжимает камень: **«Я лишь Страж. Ключ помогает, но я...»**

Вестник сметает черные буквы, не дав Дэну закончить фразу: «Неправда. Этот Ключ твой. Ты можешь увидеть. Скажи мне имя ее убийцы». Снова лицо незнакомой женщины – застыло мраморной маской

Дэн взглядывается до изнеможения, пытаясь запомнить каждую черту. Внезапно что-то вспыхивает перед глазами – это имя, но не убийцы, а жертвы: Эмили. На секунду Дэн теряет контроль над собой. Он понимает, что значит эта вспышка. Осознание захлестывает его.

От Вестника доносится едва ощутимая волна горечи:

«Мы оба ошиблись. Ты думал, что с ответом приду я. Значит, слишком рано»

Туман начинает опадать на его плечи. Дэн делает шаг вперед:

«Не уходи».

Вестник молчит какое-то время: «Я приду снова, если не будет выбора. Не зови меня, пока не узнаешь имя»

Очертания деревьев начинают мерцать, словно кто-то включил рождественскую гирлянду. Туман почти слился с Вестником. Дельг содрогнулся, Дэн почувствовал, как змеей рванулась из-под ног тропа. Видение рухнуло, погребая его под осколками...

Он очнулся посреди гостиной, с жадно открытыми глазами. Тихо дымился выжженный ковер. Раскаленный камень валялся на полу, безжизненно раскинув, будто руки, обрывки платиновой цепи.

Наступала ночь.

Дэн медленно нагнулся и провел ладонью над остывающим Ключом. Жар спадал. Багровое пламя сворачивалось в спираль, последняя стайка искорок доплясывала извилистый танец. Всё.

Наконец он выдохнул.

Память влилась в сознание, немного повозилась, расталкивая сбившиеся в кучу мысли. На последней Дэн споткнулся, словно его ударили под колени.

Шорох. Шаги в коридоре.

Кто-то остановился перед дверью его квартиры. Послышался легкий стук.

Дэн взвился на ноги, прижимая к рубашке камень, бросился в кабинет. Спрятал Ключ, сгреб ковер и выкинул в чулан. Последним ударом распахнул окно, надеясь, что сквозняк успеет выветрить дух прелой листвы и паленого ворса. В дверь снова постучали. Теперь Дэн был совсем без сил.

Когда он подкрался к входу и прислушался, сердце лишь слегка частило. Он почувствовал, что бояться нечего, и открыл дверь. На пороге стояла молодая женщина. Она посмотрела ему в глаза так, словно Дэн был окном, в которое она собиралась прыгнуть.

Глава четвертая

Клиника св. Иоанна
23:07

Под фонарями маршировала пурга, возводившая фосфоресцирующие замки и срывающаяся с крыш длинноволосыми женщинами. Ночь проглатывала их, но вскоре всё возвращалось. Тени танцевали на стенах, перепрыгивая через кресла и кровати, сходились вокруг человека, спящего на больничной койке. Он лежал скованно, бледный, как лед, – будто в его теле вовсе не осталось тепла. Ни единого движения за несколько часов, только под веками бешено мечутся зрачки.

Ему снится один и тот же сон. Сну тесно внутри, он напирает – из-за этого раны открываются и болят сильнее, дыхание стихает. Но у Алекса сильное сердце – оно не позволяет сорваться по кривой монитора до самой черты. Однако и сон не сдается: накатывает волна за волной, каждый раз что-то унося, что-то оставляя взамен...

Дверь в палату приоткрылась, осторожно вошла медсестра. Опасливо покосилась на спящего человека. Она запомнила взгляд Райна на всю жизнь – в нем было нечто, приводившее людей в отчаянье. Если он проснется и снова уставится на нее, как вчера, наутро она ни за что сюда не вернется. У него был взгляд привидения, разглядывающего кошку.

Девушка поехала, не решаясь сделать следующий шаг. Вслед за ней вошел лечащий врач, и она на радостях едва не вцепилась в его рукав.

Доктор остановился возле кровати Райна. Он не был таким впечатлительным, однако странности пациента складывались во всё более неприятную картину, которую он пока не мог прочесть и уже не был уверен, что хотел бы. Вторые сутки всех знобило от недосыпа. Люди – врачи, медсестры – чаще жаловались на бессонницу, словно их заражало исходящее от Райна напряжение. Не беда, что большую часть времени тот пребывал без сознания, это не мешало распространению слухов. «У нас нечасто случаются серьезные преступления, это объясняет всеобщий мандраж», думал замученный Джереми Кранц. «Но, черт возьми, господин Райн, вы окажете нам большую услугу, если хотя бы этой ночью не поднимете всех на уши».

Каждый раз под утро пациент дезертировал из сна в кому, теряя пульс и давление; его в спешке подключали к аппаратам и ждали, когда минует загадочный приступ. К обеду ситуация в корне менялась: Райн приходил в себя, но оживлялся лишь ради обсуждения собственной выписки. Его речь всегда была связной, он мгновенно заучил имена персонала, но общением не злоупотреблял. Вытянуть из него хотя бы слово было одинаково нелегко и полицейским, и докторам.

Кранц постоял, разглядывая показатели на мониторе. Поманил медсестру. Девушка подала ему карту, надеясь, что доктор скажет что-нибудь утешительное (например, «мы переводим его в другое отделение»); но врач лишь устало перечитал записи и осел на стоявший рядом с кроватью табурет.

– Не спускайте с него глаз, – наконец шепотом распорядился он. – Если что – зовите. У дверей поставили полицейского, но вы тоже не зевайте. Да не зевайте же вы... – шикнул он. – С любыми изменениями немедленно ко мне.

– Хорошо, доктор Кранц.

– Я буду в ординаторской.

Врач еще несколько минут просидел неподвижно, шаря подслеповатым от усталости взглядом по цифрам на графике. Цифры молчали.

То, что творилось с Райном, ставило его в тупик. Коллеги предположили наличие психического недуга, но пока это не спешили обсуждать всерьез. После стремительной ремиссии

состояние пациента то и дело ухудшалось, он апатично отказывался от всего, кроме сна. Как будто решил заживо похоронить себя в собственном теле. Не было объяснения и его седине: даже самый жестокий шок не заставит побелеть за неделю – на это нужны месяцы. Единственное, что приходило на ум: дело было не в недавних травмах, и даже не в том, что кто-то покушался на жизнь Райна; всё началось гораздо раньше, задолго до инцидента в Астоуне. Но, увы, установить, каково было душевное состояние пациента до приезда в Англию, Кранц не смог: в сведениях, которые он получил из клиники в Брисбене, не было нужной информации. Джулия Грант развела руками, с отцом Райна связаться так и не удалось.

Когда обнаружили проблемы с памятью, Алекса начал навещать психиатр. Но каждый раз, выходя из его палаты, тот лишь пожимал плечами. Никому не удавалось подловить Райна на симуляции, хотя именно на этом – по своим причинам – настаивала полиция. В конечном счете, заключения сводились к общим фразам о депрессии и посттравматическом шоке. Возможно, это была вся правда, но что-то во взгляде пациента пугало Кранца не меньше, чем медсестер.

Врач задумчиво покачал головой:

– Если проснется, зовите.

Он не стал оглядываться на пороге, хотя едкое чувство, что Райн смотрит ему вслед, невольно ударило в затылок. Однако сегодня Кранц беспокоился зря.

* * *

Астоун

23:42

– Мое мнение тебе известно! Я не стану этого делать! – Он стоял, возвышаясь над ней, словно ощерившийся зверь. Она смотрела снизу вверх и улыбалась. – Элино, хватит!

Девушка насмешливо кивнула главному наследнику рода Чесбери – главному до недавнего времени. И он понял, что проиграл, на сей раз окончательно.

– Дорогой мой, ты не можешь просто уйти. Ведь ты этого не хочешь.

Он силился возразить, но протест спекся, как стаявшая плитка шоколада. Он отвел глаза и вздрогнул, наткнувшись на затравленный взгляд Виктории. Элино заметила и это. Ее улыбка стала явственной:

– Что ж, тогда предлагаю закрыть тему.

Верно, продолжать не имело смысла. Ведь всё, что он скажет, для нее не имеет значения. Отныне будет только так, как решит Элино, достойная замена почившей родоначальницы. Все присутствующие это понимали, теперь поздно менять ход вещей.

Элино отвернулась.

Немолодая женщина, стоявшая за ее спиной, равнодушно взирала на семейную сцену. Привычный театр – уже в который раз Ричард Уэйнфорд пытается бунтовать. Он делает эти попытки с механической закономерностью, как лунатик, против воли бредущий к краю крыши. И, как обычно, его одним точным ударом возвращают на землю; это действительно больно, но именно там его законное место. Место ответственного исполнителя – надежные силки, учитывающая кровные узы.

Элино плавным движением водворилась за стол. Она обожала этот стол, эту комнату, этот момент.

– Марго, – пропела она. Потом минуту делала вид, будто глубоко задумалась.

Женщина, оказавшись к ней лицом, сменила равнодушие на заинтересованность и послушно сделала шаг вперед. Однако шаловливое настроение Элино внезапно улетучилось.

– Думаю, поздно всё отменять, операция близка к завершению, хотим мы этого или нет. Теперь, когда леди Каталины нет, будете отчитываться только передо мной. Гордон, – ее взгляд переметнулся на приземистого мужчину возле окна.

Ожидая, пока Элинор удостоит его вниманием, он дремал на диване, не забывая раскусывать фисташки и смахивать шелуху на любимый ковер леди Каталины. – Хм?

– Астоун мы теряем. Наша дальновидная старушка надежно перепрятала завещание, но информация верна: она переписала его на Райна. Придется перевести оборудование в мой домик на берегу и посидеть там какое-то время... Гордон! – Мужчина скривился и засунул оставшиеся орехи в карман. – ...Пока я не найду способ вернуть замок обратно.

Элинор резким движением отодвинула стопку бумаг и принялась рыться в банковских счетах: – Как только все деньги будут у нас, можете расплатиться с командой. Порадуйте их: в этот раз им перепадает больше обычного.

Гордон не успел отобразить понимание, как его опередил Ричард:

– Элинор, да сбавь же обороты! Тридцать лет назад это могло сойти с рук, но не теперь. Я диву даюсь, как по нашу душу еще не нагрянули волкодавы. Тебе не кажется... подозрительным, что мы каждый раз теряем одного-двух убитыми? Или это тоже входит в твои планы? Чтобы избежать всех неприятностей, человеческих мозгов мало. Почему ты не хочешь угомониться?

– Ах... Инициативность мне всегда по вкусу, – медленно протянула Элинор. – У тебя есть другие идеи, как заработать пару миллионов за вечер?

Ричард мгновенно затих, будто его выключили.

В ее глазах мелькнула злая тень. Она и без его напоминаний знала, как шаток тонкий золотой мостик протяженностью в тридцать лет. Они танцуют на нем с ловкостью эквилибристов, хотя сейчас их безопасность держится скорее на удаче, нежели на расчете. Но она всегда хорошо защищала тылы. Бумага умеет отбивать шрапнель – главное помнить о быстром беге и не забывать своевременно проверять подпругу на обласканных лошадях.

Мысль была к месту. Элинор открыла верхний ящик стола и вытянула из него тяжелый конверт. «Бумага. Самый ценный материал». С удовольствием пересмотрела содержимое пакета и протянула его Гордону. – Займись.

Помощник взвесил в руке конверт с фотографиями и мельком заглянул внутрь. Покопался на Викторрию. Нечто похожее на уважение отразилось на его лице. Он сполз плотным взглядом по ее плечам до талии и кивнул со знанием дела. Элинор осклабилась, Ричард тихо застонал: – Какое безумие... Ты вовлекаешь в это всё больше людей. И даже ее!

– Ричард. – Голос Элинор стал почти нежным. – Давай обсудим это позже. Что за тяга к семейным скандалам при свидетелях? Ты не заметил гостей? Мы ведь можем поговорить наедине, тем более, такие разговоры приносят значительно больше... удовлетворения.

Викторрия, затаившаяся в уголке, тихо вздрогнула. Ричард промолчал. Элинор опустила ресницы:

– Повидай мистера Фитцрейна, Гордон, и потолкуй с ним о нашей безопасности. В первую очередь я хочу быть уверена, что нас не возьмут за горло каминными щипцами только потому, что некто любит копать глубже, чем ему отмерено. Порекомендуй старшему инспектору отстранить Дэна Байронса от расследования. Я хочу, чтобы он передал его любому, кто держится от Байронса в стороне. – Она со звоном бросила блестящий нож для резки бумаги, и тот, вращаясь, слетел на пол возле туфель Марго.

– Почему бы тебе просто не устроить ему несчастный случай, дорогая сестра? – насмешливо спросил Ричард.

– Потому что умные люди не гадают там, где спят. – Она красноречиво оглядела собравшихся. – До тех пор, пока мы обитаем в этом месте, здесь будет тихо и спокойно, и ни один слишком догадливый чиновник или следователь не обратит внимания на наш благополучный

городок, в котором не убивают маститых полицейских, некогда бывших сотрудниками Интерпола.

Гордон тихо крякнул.

– Прозорливость рождественской индейки, – огрызнулся Ричард.

– По крайней мере, я постараюсь попасть на стол последней. – Она словно не заметила оскорбления. – О, Викки, а почему ты выглядишь такой унылой, как будто тебя уже ошпарили? Будь паинькой. Я уверена, твой будущий супруг не откажется выполнить нашу скромную просьбу. Ты ведь тоже замолвишь словечко во благо семьи?

Та не ответила. Даже блески страха умерли в ее глазах. Она тихо сидела на своем высоком стуле и бездумно глядела в пол. Виктория слишком хорошо знала, что даже Фитцрейн с его набором экзотических игр лучше, чем эти звонкие нотки в ласковом голосе сестры.

– Остается последний пункт в параграфе «что-то прилипло к моей заднице», – пробурчал Гордон. – Этот ваш Алекс Райн.

– Умный молодой человек, – откликнулась Марго. – Его можно посвятить в семейный бизнес, если мы планируем вернуть долги обществу.

– О, дорогая, без сарказма, когда речь идет о членах моей семьи! Я знаю, каков наш Алекс. У леди Каталины были странные мысли на его счет, она даже полагала, что мы составим хорошую пару, если я подойду к нему с правильной стороны. Но он такой разносторонний. – На красноватой шее Гордона напряглись мышцы. – Увы. На это нет времени.

Виктория подняла голову:

– Не смейте его трогать.

Гордон округлил глаза. Элинон свернулась в кресле, забыв про осанку; вид у нее стал блаженствующий.

– Бедный Алекс, – ее голос зашелестел, как бархатная веревка. – Возможно, он так и не оправится от недуга. Врачи до сих пор пребывают в сомнениях, и немудрено – столько увечий. В таких случаях часто случаются рецидивы и...

– Элли, – Виктория встала. – Если ты причинишь ему хоть малейший вред, я... я не стану тебе подыгрывать!

Элинон сощурилась:

– Похоже, рецидивы случаются не только у тяжело больных.

По ее лицу Ричард понял, что за этим последует. Он вскочил и заслонил собой Викторию: – Оставь ее в покое!

В глазах Марго и Гордона вспыхнул слабый интерес.

– Ты будешь мне мешать? – шепотом спросила Элинон.

– Она беременна. Если ты будешь слишком усердствовать, то сама всё испортишь, – тоже шепотом ответил он.

– Ах, да, – замурлыкала Элинон. – Наша будущая маленькая мама – подарочек для доблестного полицейского. Ну, хорошо.

Она подошла к ним вплотную и с нежностью погладила Викторию по волосам: – Будь добра, иди к себе в комнату и не выходи, пока я не разрешу. Я не желаю тебя видеть.

Ее рука незаметно соскользнула на локоть Ричарда:

– А ты, драгоценный братец, займись делом. Я хочу, чтобы вы оба были счастливы и здоровы. Вы ведь тоже этого хотите?

* * *

Астоун

26 октября, 05:03

Заросший сад, разбитый с южной стороны от крепостного рва, был затоплен мглой. Ночью с океана пришел теплый ветер, развесивший на кустах вуали из мороси. Воздух казался тяжелым и соленым. Продрогший Ричард примостился на каменной скамейке, украшенной старым рыцарским гербом, неподвижно глядя туда, где должно было взойти солнце. Клубы тумана лежали в низинах, как уснувшие облака.

Он не впервые встречал рассвет, сидя на этой жердочке. Несколько раз в неделю тоска поднимала его с постели и вела в гулкие предутренние часы, сквозь полудрему и темноту. Он не знал, зачем подчиняется ей. Зачем бредет сюда, поскальзываясь на сырых камнях, продирается сквозь разросшуюся чащобу, пугая проснувшихся слуг и суеверного сторожа. Доходит до этой скамейки и садится, обхватив себя руками. Он не двигается почти час. Губы изредка шевелятся, синеют, веки наливаются тьмой. Но он не отводит взгляда и словно заговоренный ждет, пока просветлеет и окрасится жемчугом небо. Чаще восток оставался сер. Свет погибал, едва проронившись сквозь гребенку штормовых туч, ветер становился злее. Каменный герб за спиной начинал жечь кожу, кровь вскипала – потом Ричард проваливался куда-то, захлебываясь яркими видениями. Они отогревали его, но после он долго не мог сдержать слез.

Однажды его нашла Элинор.

Он увидел ее крадущийся силуэт в просвете между деревьями, хотел убежать, но разбитое галлюцинациями тело воспротивилось. Он замер, вжимаясь в камень, надеясь, что она пройдет мимо и не заметит его. Напрасные старания.

Она подошла – со спокойной улыбкой; грива рыжеватых волос вилась на ветру, сплетаясь и мечась, словно живое существо. Ричард не отводил от них глаз, боясь провалиться в бездну в сто крат глубже, чем его собственные фантазии.

– Ну вот, опять прячешься, братец. – Она присела рядом – он по-прежнему ловил взглядом ветер. – Не желаешь поговорить со своей маленькой феей?

Ричард вздрогнул. Она всегда держала кулачок за спиной, чтобы удивить его или ударить. До того дня, как Каталина Чесбери забрала ее и Викторину к себе, он звал ее феей – но это было невообразимо давно, они еще оставались детьми, они всё еще были братом и сестрой. За последние годы она заставила его поверить, что этого времени не существовало. Сегодня ей было любопытно воскресить прошлое, хотя, конечно же, не задаром.

Он отвернулся, не желая вспоминать – в ее волосах всё также путаются солнечные зайчики, ребенком он любил ловить их в циферблат отцовских часов. Теперь Ричард хотел только одного: видеть, чем ее сделала Каталина. Какой она позволила себе стать. Малышка-фея растворилась, унесенная смрадным ветром, и лучшее, что могло от нее уцелеть, это пепел тех старых фотографий, что он сжег несколько дней назад. Это было лучшим и в нем самом.

Он не знал, кто она такая. Его не было здесь, когда она росла. Та новая Элли, встретившая его спустя десять лет, прячется в скорлупе хрупкого женского тела, она напоминает зверька, которого хочется гладить и сжимать с такой силой, чтобы он начал кричать и вырываться. Ричард попался, как и любой другой. После стольких лет разлуки она просто сожрала его, выела своими чудесными зелеными глазами...

Он содрогнулся, и она заметила это.

– Не переживай. Близкие должны держаться друг друга. Держаться очень крепко. Поужи-наешь со мной?

– До вечера далеко.

– Ты куда-то торопишься?

Он неопределенно покачал головой.

– Вот и отлично! – движение, и она опять на ногах. – Не опаздывай.

Элинор нагнулась, чтобы погладить его, но он дернулся, не в силах скрыть отвращение. Она сощурилась...

Ричард всхлипнул, отгоняя видение.

По крайней мере, одна из них мертва. Каталины больше нет, и как бы всё не случилось – с помощью Элинон или без, он видел в этом хороший знак. Одной стало меньше, а это дает остальным шанс уцелеть.

Он в который раз не дождался солнца. Глаза щипало, словно вместо слез в них был яд. Он вспомнил, что должен навестить Викторию, со вчерашнего вечера запертую в своей спальне. Викки до смерти боится ветра и одиночества, но Элинон забавляет ее страх. Почувяв его, она не может остановиться, загоняет сестру под самую крышу и терзает, не упуская ни единой слабинки.

Ричард поднялся. Замок хмуро взирал на него темными окнами. За ними уже не было ни Гордона, ни Марго, зато оставалась Элинон. Как же она бывает терпелива, когда знает, к чему идет.

– Доброе утро, сэр, – сияющий Эшби встретил его у порога, и Ричард в очередной раз подивился, что старик всё еще здесь. Несомненно, тот видит достаточно, чтобы сбежать за тридевять земель. Но нет. Что ж, тогда и он здесь по праву: слабость к порокам других – тоже порок.

– Завтрак будет подан через пятнадцать минут, сэр, так распорядилась леди Элинон.

– Передайте леди Элинон, что я не приду.

Загнав поглубже слабость, Ричард взбежал по винтовой лестнице на четвертый этаж и пробрался к дверям Виктории. Ключ хранился у Элинон, но ему удалось тайно заказать дубликаты всех ключей в доме, что, несомненно, обрадует несчастную Викки. Замок мягко щелкнул, и Ричард быстро проскользнул внутрь.

В комнате оказалось светло, как днем, несмотря на опущенные гардины – все лампы были включены. На полу валялись опрокинутые стулья и женские безделушки, искрами рассеянные по ковру. На развороченной кровати спала Виктория. Он робко приблизился к ее изголовью, мучительно вглядываясь в осунувшееся лицо, ставшее почти бесцветным на фоне синего шелка. На тонкой шее темнело несколько кровоподтеков. На мгновение Ричарду померещились следы зубов, а не ногтей – и страх опять перерос в ненависть. Окажись сейчас Элинон рядом, у него хватило бы сил придушить ее. «А потом открыл бы окно, и обоих в ров». Викки слабо дернулась во сне.

Он встал на колени, заглядывая под ее темные веки.

...Это их жизнь. Скоротечная линия, разбивающаяся о старые стены. Только они трое знают, что это значит. Калеки, бездумно плывущие по воле прихотей – в конце концов они остались ни с чем, но и это не принесло им свободы. Ему нечего вспомнить, хотя он с ранних лет проскользнул через узкую лазейку в мир взрослых. Тридцать два прожитых года принадлежали кому-то еще, кого он лишь мельком видел в гладкой поверхности антикварной мебели. Он что-то судорожно лепил внутри себя, чтобы было на что опереться, но все растекалось, словно поднесенный к огню воск, – когда *она* подходила слишком близко. Он даже не мог спасти Викторию.

Но он знал, кого винить. Каталина Рейнфилд, леди Чесбери, на глазах которой родилось и умерло четыре поколения их рода, неизменный атрибут геральдической схемы – она верховодила в старом замке и в жизнях тех, кого занесло в его стены. Теперь она мертва, но ее тень по-прежнему мерещится в коридорах; воздух пахнет ее духами, женщина с зелеными глазами безумствует в ее залах, продолжая сладострастно разрушать свое королевство. Слабая надежда на то, что смерть разомкнет круг, обманула. Когда *она* мнет в руках бутоны цветов, и их тугие лепестки с хрустом превращаются в месиво, он понимает, что так будет всегда. *Она* положит руку ему на лоб, от которой повеет фиалками, и он откажется от всего, пока это будет продолжаться...

Но Элинон любит только Астоун. На него уходят все ее силы – он, как капризный любовник, забирает всё, даже то, что ей не принадлежит. Деньги, привязанности, рассудок. Леди

Каталина была такой же. Как давно это началось? Некоторые из них еще живы – те, кто заглотил ее наживку, и они всё еще гадают, как она смогла найти их: Марго – в шестидесятом, Билла Шеффи в шестьдесят втором, и чуть позже Гордона.

Первой на Каталину начала работать Марго Брандт. В те времена у юной снайперши была своя банда – дюжина лондонских сорвиголов, из которых она сумела сколотить вполне слаженную команду наемников. В выполнении нехитрого поручения леди Каталины Марго положила на помощников, но вместо одного человека погибли все, включая ее ребят, а она после кусала локти, ибо предоплата – недостаточная компенсация за два трупа среди своих и лишнее внимание со стороны полиции. Но Марго была решительной девушкой и предприняла верный демарш – вооружилась шантажом, чем, видно, и покорила леди Каталину.

Старушку не особо волновали последующие вымогательства, поскольку Марго приходилось следить за репутацией, чтобы не растерять клиентов. Но по какой-то причине Каталина обратилась к ней вновь – на сей раз предложив постоянную работу. Так начались рейдовые ограбления в Новом Свете. Они брали только деньги, но иногда погибали люди, как чужие, так и свои. Впрочем, Каталина была достаточно прозорлива, чтобы ни один хвост не привел к ее порогу.

Марго было всего шестнадцать, однако она казалась самой смышленной. Увы, на поверку подтвердился лишь один ее талант – стрельба из снайперской винтовки. Тем не менее, ей хватило ума избежать участи Билла, которого подстрелили фэбээровцы в семьдесят восьмом. Чтобы не попасть под раздачу, «медвежатник» Гордон тоже поспешил переквалифицироваться в консультанты – эти двое стали бессменными лейтенантами леди Чесбери. Бизнес оказался доходным, им везло и по сей день. Но время шло, Каталина старела. Обстоятельства не становились проще, и ей пришлось подумать о преемнике.

В семьдесят шестом умер ее внучатый племянник, отец Ричарда, Виктории и Элинора. Официально объявили, что беднягу свалил сердечный приступ. Ходили слухи, что глава благородного семейства спился вдали от дома, куда его услали с глаз долой. Почти никто не знал, что Чарльз был не только пьяницей, но и драчливым шизофреником. Он умер в психиатрической клинике, умудрившись сломать пару ребер санитарам и разбить собственную голову о бетонную стену в прогулочном садике. Его жена погибла два года спустя в сорвавшемся лифте. Тогда детей привезли в Астоун.

Каталина с первой минуты положила глаз на Элинора. Эта семилетняя принцесса единственная не испугалась старого замка и его хозяйки. Она весело щебетала в полутемных коридорах, гоняла птиц и слуг с крепостных стен. Малышка Виктория, более тихая и нескладная, ушла в тень, став неясным отражением младшей сестры, что всячески поощрялось Каталиной. Ричард злился, бунтовал, но он был всего лишь двенадцатилетним мальчишкой. Его ненависть к Астоуну не занимала даже сам замок. Не теряя времени, Каталина отправила мальчика учиться, впервые разлучив с сестрами. Всю юность он провел в закрытом колледже – даже на каникулы ему не позволялось возвращаться «домой». Впрочем, он не слишком рвался туда: Виктория приезжала к нему сама, и лишь Элли, его любимая маленькая фея, была так занята, что вскоре совсем перестала навещать брата.

Несомненно, леди Чесбери была поражена способностями юной наследницы. Она ввела Элли в семейный бизнес, когда той едва минуло пятнадцать. В двадцать пять леди Элинора без особого труда заняла ее место...

Что-то хрустнуло за спиной, и Ричард дернулся, словно его ударили. Он снова потерял реальность из виду. Обернувшись, он обнаружил Эшби, стоящего возле неприкрытой двери. Пристально оглядев картину, старый дворецкий приложил палец к губам и хитро подмигнул ему. Через секунду за порогом никого не было. Виктория заворочалась и что-то зашептала; Ричард наклонился, чтобы расслышать слова.

– Не смотрите... Пожалуйста, не надо... – Она захлебнулась тяжелым вздохом.

Как бы он хотел всё закончить. Может быть теперь, когда Каталина по дурной прихоти завещала Астоун австралийскому родственнику, у них с Викторией появился шанс? Если, конечно, у самого наследника будет шанс выжить.

«Да, мистер Райн... Думаю, вы бы сейчас многое отдали, лишь бы никогда не приезжать к нам. Что же с вами приключилось? Элинор? Или ее любимчик Гордон? Но Гордон не располагает свободой действий, если бы Элли позволила ему, вы бы оказались не в больнице, а на кладбище. Самое безопасное место, между нами говоря. Но так грубо пугать... нет, это не в ее вкусе. Чего от вас хотела Каталина? Неужто даже Элинор не знает? В любом случае вы поразили их обеих, поздравляю. Это худшее, что могло с вами случиться».

Он ласково провел пальцем по локону сестры. «Спи, бедная мечтательница. Я приду позже». Он нежно поцеловал ее в лоб и поднялся.

В его ладонь вплелись тонкие пальцы, и Элинор беззвучно рассмеялась ему в лицо. Насладившись моментом, она стремительно выволокла брата из комнаты и потащила по коридорам. Вбежав в библиотеку, плотно захлопнула за ними дверь.

– Дик, – она вплотную прижалась к нему, – неужели Викки больше в твоём вкусе?

Он вцепился в ее плечо, удерживая от последнего шага.

– Когда-нибудь... все узнают...

– Хочешь сам рассказать?

Ричард отвернулся, его рука задрожала сильнее.

– Вижу, что нет.

Она стряхнула его ладонь и деловито прошла по залу. Потом уселась на диван и, склонив голову, поманила его к себе. Он не двинулся с места. – Фи, какая черствость. Говоришь, что во мне нет любви, а когда я стараюсь доказать ее, бежишь, как напуганный кролик.

– Тебе не удаются метафоры, Элли.

– А тебе ничего, кроме них. В чём ты меня упрекаешь? В том, что я люблю жизнь? Или в том, что тебе нравится, как я это делаю?

Он принялся судорожно искать ручку двери – только для того, чтобы обнаружить, что та заперта.

– Не драматизируй, – она кинула ему ключ.

Ричарда мутило. Добежав до своей комнаты, он ввалился внутрь и запер дверь, оставив ключ в замке. Натыкаясь на мебель, с трудом дополз до ванной.

Он дрожал, лежа на холодном полу, не замечая, что от его расцарапанных ладоней остаются разводы на светлом мраморе. Она смотрела сквозь тошноту. Ее пристальный взгляд постепенно вытягивал из него стыд. Он знал, что произойдет потом.

Вскоре истерические рыдания затихли.

* * *

Отель «Прибрежный дом»

Ровно в восемь часов утра облаченный во фрак мужчина с гладко зачесанными седеющими волосами отстучал витиеватую дробь на двери номера сто двадцать один. Ему немедленно открыли, словно только того и ждали. Распахнувший дверь господин в длинном черном пиджаке отступил вглубь комнаты, заманивая гостя внутрь.

– Опять устраиваешь проверки? – Дэн уселся на предложенное кресло и скопился на бутылку бургундского вина, великодушно отданную ему на заклатие. – Кстати, я люблю греческие вина. И не говори, что забыл. Ах, да! Пока я сам не забыл: спектакль в пабе взбесил не только бармена. Вы рассчитывали на новичка или на недоучку? Уж тебя-то я могу найти и без дурацких ребусов.

Похожий на громоотвод старик, устроившийся напротив полицейского, по-лисы фыркнул:

– Как я мог подумать, что заржавеют мозги, подобные твоим? – он утопил смехок в бокале с водой; затем, не спеша, достал вторую бутылку и поставил ее рядом с собой.

– Это же... – Байронс по привычке с трепетом потянулся к приманке, но старик жестом фокусника спрятал ее обратно.

Дэн изобразил разочарование, правда, не слишком усердно.

– Будет твоей, как только разберемся с делом Райна. – Станный господин заинтригованно приподнял брови: – Мне показалось, или ты не шибко расстроился?

Байронс пожал плечами. – Стараюсь не отягощать твой «спектр» шантажом и попыткой спойть старого друга. А еще я не работаю за еду. И за выпивку.

Он нахохлился в непривычном для него фраке. Старик смотрел уже не лисой, а совой – одновременно разудалой и конфуженной. Байронс попытался затолкать обратно продолжавшее лезть со вчерашнего вечера отчаяние: – Хорошо, твоя взяла. Детвора, шныряющие по округе, вольнонаемники или ваша личная гвардия?

Старик снова фыркнул: – Скажем так, они под моим присмотром.

– Я так и думал. Тебе всегда нравилось высиживать птенцов.

Тот в ответ опять сделал страшные глаза.

– У них хорошие шансы?

– Шансы всегда хорошие.

Байронс вспомнил повеселившегося в пабе рыжего кота. К двадцати пяти годам он тоже умел многое, однако с кошкой у него «отношения» не сложились. Считалось, что для оперативника нет лучшей формы – не слишком крупная, не слишком мелкая, редко вызывает подозрения, но и поймать не так-то легко. Увы, Дэну не повезло. Человек редко мог синхронизироваться более чем с одним видом, а заранее не угадаешь, к чему повернет душа: кому легче котом, кому зеброй. Быть животным даже посредством эмпатии – занятие изуверское, да и звериные замашки пристают гораздо сильнее, чем человеческие. Чего стоит ощущение, когда между ног, помимо прочего, образуется хвост: стоит о нем подумать, и рефлексы теряются начисто – бродишь и не знаешь, как – лишь бы куда приткнуться. Дэну вспомнилось, как он стоял перед зеркалом и разглядывал себя в теле овчарки: никогда не пробуйте смеяться, будучи овчаркой. Впрочем, если бы он был крокодилом, его бы это не спасло. Коллеги прекрасно знали, каково ему, но даже они решили, что он поддыхает в страшных мучениях.

«Овчарка», уныло подумал Дэн.

– Почему ты не сказал, что продолжаешь работать? – спросил он, отгоняя видение разинутой до предела пасти: иногда ему снилось в кошмарах, что она до сих пор смотрит на него из зеркала.

– Когда ты спрашивал, занимаюсь ли я «чем-то», ты имел в виду наши старые дела.

– Ну-ну. До сих пор претендуешь на право знать, что творится в моей голове. Так чем же ты *теперь* занимаешься, Тано?

– Пока секрет.

– Ба!

– Брось, Дэн. И не надо строить осоловевшие глазки. – Старик склонил голову на правый бок. – Алкоголь на тебя не действует. Сколько ты уже не тренируешься?

– Глазки строить? – Дэн махнул рукой и осел в отутюженный фрак.

– Слушай, мой дорогой друг Хандра! Раз ты так хотел знать: нынче я занимаюсь восхитительным делом – чудо, на что можно наткнуться, раскапывая банальный грабеж. Уверен, ты захочешь поучаствовать наравне со мной.

– Наравне? Ты не боишься рисковать?

– До сих пор волнуешься из-за того инцидента? Неужели за двадцать лет ты не?.. Поразительно. Я недооценил твое чувство ответственности.

– Видишь, хоть в чём-то я хорош. – Дэн полез в карман за сигаретой, но остановился на полпути. Со вчерашнего вечера многие вещи перестали доставлять ему прежнее удовольствие.

– Вечно тебя приходится тащить на аркане.

– Помимо известного побочного эффекта, который по неведомым мне причинам вас больше не пугает, есть еще отсутствие практики. Мне бы не хотелось случайно сократить население этого города. А тебе? Если уж некуда деваться, я бы сперва предпочел... тренировки.

Тано передразнил ехидную гримасу Дэна:

– Байронс, Байронс, что ты заладил? Какие тренировки? Ты уверяешь *меня*, что от этого будет больше пользы? Да ты ни разу в жизни не выкладывался во время симуляций. Ты можешь нормально работать, только когда под тобой нет пуховика – а так всё хиханьки и выпендрож.

– Знаешь, тебе стоило меньше потакать выпендрожу. – Дэн даже не заметил, что его слова больше похожи на упрёк, чем на попытку извиниться.

– Прошлое в прошлом. Я советую начать.

– Да уже.

– Так это и впрямь был ты! – Тано сделал круг по комнате, затем грациозно уселся напротив Дэна. – Ну что ж. Тогда, надеюсь, ты закончил трепать старческие нервы балладами о своей неполноценности?

Байронс поежился. Как не крути, придется рассказать о сделанном благодаря Вестнику открытии; мысль продралась по позвоночнику холодной проволокой. Дэн не знал, с каким лицом произнесет эти слова.

– Не понимаю, ты-то чему радуешься? Ничего пока неясно.

– Не понимаешь? Впрочем, что я? Мне нужно лишь одно: знать, имеется ли информация по моему делу – остальное всецело на твое усмотрение.

– Да! – Дэн вскочил и сам принялся кружить по комнате. Через каждые восемь шагов он упирался в собственное отражение в лакированной поверхности гостиничного шкафа и ускорял шаг.

– Байронс, под тобой сейчас ковер загорится. В Астоуне собрались все демоны ада? Не все демоны ада? Кролик-убийца?

– Понятия не имею. Получить прямой ответ не удалось. Зато в процессе всплыло кое-что, не имеющее отношения к вашему делу. Прости мой эгоизм, но сейчас это заботит меня больше, чем приключения Райна. Твой Ключ... Он перешел ко мне не потому, что я твой преемник. – Дэн остановился, рука невольно потянулась к спрятанному под одеждой камню. Потом он увидел глаза старика. – Тано... ты знал. Ты, черт возьми, знал.

– Что ты – Скриптор? Очень рад, что и ты наконец в курсе.

Тано задумчиво пригвоздил Дэна взглядом к гостиничному ковру.

– Ну да, я знал об этом задолго до нашей первой встречи. Чего ты тарачишься – я сторожил этот Ключ почти двести лет.

– И ты не сказал.

– А какой момент был более подходящим? Когда ты мечтал стать Робинот Гудом? Или когда Ключ напугал тебя до полусмерти? Человек рождается с талантом, но становится талантливым, обучая разум и тело, со временем. Каждый Страж самостоятельно решает, как готовить «своего» Скриптора. Я решил помочь тебе набить шишек в песочнице, без особого резонанса... Уж так получилось, но ты сомневаешься во всём с самого рождения. Боишься пошевелиться, лишь бы случайно не сделать хуже. Но только после *того* случая я понял, насколько ты разбалансирован. Признаюсь, чучелко, которым ты себя пугал, произвело сильное впечатление даже на меня.

Дэн неловко сел на ручку кресла. – У нас сегодня день откровений? Всё, мне разонравилась эта идея.

– Двадцать лет назад ни ты, ни я не были готовы к этому разговору. Но сейчас я хочу, чтобы ты кое-что уяснил. Ключ выступал таким же учителем, как и я. Он позволил тебе рискнуть – собой и нами, дал тебе почувствовать, чего ты действительно боишься, чтобы ты как следует запомнил, кем хочешь быть и кем не хочешь... Еще не понимаешь? – Старик озадаченно поводит носом. – Я мог остановить тебя прежде, чем стало совсем худо, но я этого не сделал. Было больно, зато наглядно, и мысли ты извлек верные. Тебя учили, а не наказывали. Теперь мои обязательства по отношению к тебе как к Скриптору выполнены, Ключ решил принять тебя, всё – я просто старый пень. Можешь набить мне физиономию, если не предпочитаешь более изысканный способ. Дуэль двойниками? Или, может, на пистолетах?

Дэн молчал. Тано аккуратно протер столик платком, сметая ореховую шелуху. Искося посмотрел на застывшего Байронса и пожал плечами: – Тебя ждет очень долгая жизнь, Дэн. Нерационально тратить ее на то, чтобы изводить себя.

– И что дальше?

– До тебя было всего два Скриптора, оба сильно отделились от нас после инициации. Что будет с тобой, мне неизвестно... Ты вправе считать, что я в последний момент решил воспользоваться нашей дружбой в собственных интересах. И это тоже правда. Мне необходима твоя помощь, пока ты всё еще с нами.

– Хорошо. Рискнем.

Тано какое-то время всматривался в Байронса, словно ожидал, что тот сию минуту превратится в диковинного зверя и выпрыгнет в окно.

Дэн покачался на месте, затем отступил назад и неуклюже втиснулся на узкий подоконник. Прижался лбом к стеклу, отражавшему в комнату сантиметр ледяного воздуха. За окном сумрачно дымилось октябрьское утро.

– Хочешь знать, что я видел? – спросил он.

– Да.

Дэн коротко, без утаек, пересказал Тано встречу с Вестником.

– Ничего конкретного об этом существе сказать не могу, но это определенно человек, и он как-то связан с покушением на Райна. Вполне вероятно, что он знает, кто это был.

– Хм. – Старик отошел в дальний конец номера, облокотился о стену. – Ты ближе к Океану, чем я, Дэн. Возможно, ты сможешь установить личность этого человека. Мне бы это помогло.

– Я постараюсь. – Внезапно голос Байронса стал едва слышным: – Значит, теперь я иницирован и назад хода нет.

– Не хочу играть на руку твоей хандре, но инициация означает лишь то, что ты научился пользоваться Ключом. Скриптором ты был всегда.

– Отлично. Теперь я знаю, почему у меня вся жизнь наперекосяк.

– Иногда мне кажется, что ты проспал всё, чему тебя учили.

– Не волнуйся, по крайней мере, я помню, чем занимаются Скрипторы. Непонятно только, как это делается. Не чувствую, чтобы во мне что-то сильно изменилось...

Старик не то усмехнулся, не то скривился в ответ. – Так ты, вроде, и не хотел меняться? Если ты ждешь, что я смогу просветить тебя на сей счет, то, увы. Мы мало что знаем о жизни Скрипторов, просто ждем, когда вы явитесь за Ключами. А вот ты можешь узнать о мире больше, чем любой из нас, проблема только в одном – иногда Скрипторам дают возможность вмешиваться в серьезные дела. Вот здесь у тебя могут возникнуть сложности... Не думал, что когда-нибудь пожелаю такое, но тебе, друг мой, стоит быть менее щепетильным. – Там, где стоял Тано, тени сгустились до свинцового сумрака и начали подрагивать в такт движению его пальцев. – Мой тебе совет – танцуй от малого. Утром приходится решать, что пить – воду

или кофе, ты волен выбрать то, что больше нравится. Можешь отказаться от всего и помереть от жажды. Возможности разные, но выбор остается за тем, кому его предоставили. Отказ от любых действий, как ты знаешь, тоже имеет свои последствия.

– Сравнил.

– Постепенно ты научишься жить другими величинами.

Дэн устало закрыл глаза. Гостиничная комната была уже пуста, но он всё равно тихо сказал: – Спасибо.

Глава пятая

Клиника св. Иоанна
15:02

Джулия сидела на диване в больничном коридоре и бездумно смотрела в стену. Ей хотелось, чтобы мир ненадолго перестал существовать, чтобы в нем ничего не происходило – тогда бы она смогла спокойно поспать. Мимо скользили люди, оставляя в воздухе движения и голоса, медсестры подсовывала стаканчики с горячим кофе, а Джулия сидела, прижимаясь онемевшей спиной к стене, и изображала фарфоровую куклу, пока Алекса осматривали врачи.

Как будто жизнь началась в тот момент, когда она переступила порог его палаты. Или чуть раньше, в замке, когда он позвал ее. Они ей не верят. Она сама себе не верит. Всё стало неустойчивым – словно происходило с кем-то другим. Джулия уже привыкла спать в гостинице и на больничных диванах, казалось, теперь так будет всегда. Как во сне. То и дело ей мерещилось, что вот-вот настанет утро, она проснется, можно будет немного опоздать в офис, мистер Рональд прикроет, если что... Только она проснется одна. Джулия снова видит голубоватое от потери крови лицо Алекса, темные пятна на одежде, горло заполняет приторный запах старой пыли. Сцепленные пальцы впиваются друг в друга.

Дыхание заклокотало в груди, она мучительно вздрогнула и проснулась.

Кто-то вздохнул рядом. Джулия повернула голову. Слева сидела девушка-подросток и пристально глядела перед собой – в точности, как сама Джулия. Зареванные глаза, опущенные плечи. Джулия поняла, что смотрит слишком настойчиво, и отвернулась. Постороннее присутствие давило камнем. Но стоило ей задуматься, как она вновь проваливалась в полудрему, и реальность вокруг растрескивалась с пугающей быстротой. Память перескакивала с неподвижного тела Алекса на кровати к обрывкам их разговоров – еще там, дома. Временами ей казалось, что она может вспомнить что-то важное, но слова бессмысленными кипами реяли в голове и таяли, таяли. Потом ее тело сталкивалось с чем-то – и она, вздрагивая, как от удара, просыпалась.

Всё время с одной и той же мыслью: если Алекс что-то помнит, почему не доверится хотя бы ей?

Придя в сознание, он часами молчал, лежа с закрытыми глазами. Его редкие слова – слова утешения, простые и пустые, с надлежавшей долей безмятежности, будто он говорил с ребенком. Если она упоминала о Горах, он пережидал несколько секунд, потом смотрел на нее и успокаивающе улыбался. Это был понятный им обоим трюк, тем не менее, он срабатывал: боясь спугнуть его улыбку, она какое-то время не решалась заговорить вновь.

Лишь иногда безучастность в его взгляде рассеивалась, словно Алекс действительно пытался что-то вспомнить. Но эти воспоминания и вовсе отстраняли его – он уходил в мыслях так далеко, что его не удавалось дозваться с третьего раза. У Джулии уже почти не осталось сил звать.

– Мисс Грант?

Она подняла лицо и увидела перед собой незнакомца в униформе.

– Да.

– Я приехал по указанию леди Уэйнфорд, чтобы отвести вас в замок.

«Забыла». Ее обожгло мыслью, что придется вставать, держать равновесие и соображать. «Если сейчас уйду, не увижу Алекса после обхода». Было бы неплохо развеветься или упасть в обморок – лишь бы они отстали.

– Завещание будут зачитывать в четыре?

– Да, мисс Грант. В точности в четыре часа.

– Нельзя задержаться даже на десять минут?

На лице шофера возникло растерянное выражение: он явно не мог взять в толк, почему сидящая перед ним женщина не осознает ответственности предстоящего момента. Джулия сникла. Врач собирался обсудить с ней нечто важное сразу после обхода. Возможно, у него родилась очередная гениальная идея, как вернуть Алекса в мир живых. Если она опоздает, то даст фору Элинор; уедет – Алекс снова заснет, и ей придется ждать несколько часов лишь затем, чтобы обменяться с ним парой ничего не значащих слов. Беспроигрышный расклад, чего уж там.

Шофер молчал, почтительно нависнув сбоку. Джулия беспомощно огляделась. Вокруг снова были унылые незнакомцы, и все как один куда-то спешили. Даже медсестра исчезла из-за конторки, а, стало быть, никто не будет знать, как оповестить ее, если что-то случится.

Сидевшая рядом девушка почувствовала обращенный к ней взгляд и подняла лицо. Ее улыбка была такой же потерянной, как и глаза. Джулия сбивчиво объяснила, что ей нужно, и девушка кивнула, согласившись передать доктору Кранцу, которого, к счастью, знала, короткое послание. Шофер снова вежливо возник в поле зрения, недвусмысленно намекая на время. Джулия встала и покорно побрела к выходу. Оглянувшись напоследок, еще раз столкнулась взглядом с незнакомкой, оставшейся сидеть возле стены. Неловко помахала ей на прощанье. Та в ответ подняла руку и отсалютовала на военный лад.

* * *

Астоун
15:52

Джулия брела по замку, всё отчетливее сознавая, что ей не стоило соглашаться на просьбу сестер Уэйнфорд и приезжать сюда одной. В висках мерно стучала кровь. Сонливость не прошла, и даже полутьма, оседавшая повсюду пепельной массой, не смогла встревожить ее настолько, чтобы разбудить. Она бы с удовольствием забилась в теплый уголок и проспала до будущей весны. Здесь было тихо, пустынно, повсюду горел электрический свет, на окнах – спущены тяжелые гардины. Если кто-то ненароком задевал их, внутрь падали тени от быстро бегущих облаков.

Казалось, небо обвилось вокруг замка.

Джулия ощущала томительную тишину, подрагивавшую на кончиках пальцев и звеневшую так, что закладывало уши. Дворецкий, сопровождавший приезжих до библиотеки, вышагивал рядом, словно хорошо вышколенный болотный дух: темно-зеленый бархат его ливреи на свету отливал красным, в полутьме растворялся до расшитых серебром манжет. Присутствие старика ничем не наполняло комнаты – даже шорохом шагов.

Воспоминания о маленькой комнатке в подвале не оставляли Джулию в покое. Замок казался ей замаранным. Она не могла понять, почему Алекс оставался здесь так долго. Он не любил большие, надменные дома, да и местные обитатели вряд ли могли вызвать у него симпатию. Возможно, дело было в Горах.

Джулию пугал Астоун. Она хваталась за причины – за покушение, за слишком вычурный интерьер, за безлюдье, но она лгала себе. С подъездной аллеи начинался другой мир: он был более плотным, более красивым, за каждой линией скрывалось чудо, дрейфовавшее через стены до береговых скал. Джулия вошла в него, но как будто осталась снаружи; нечто по-прежнему скрывало лицо за каменной маской, она чувствовала это, верила и не верила себе. Подобным мыслям можно было сопротивляться, сидя у больничной стены и ставя себе почти утешительные диагнозы, но здесь, в Астоуне, паранойя смотрела на нее во все глаза без малейшего намека на улыбку. За каждой линией – другая линия, за каждой вещью – более длинная тень. Вот так это было в Астоуне.

После десяти минут кружения из одной гостиной в другую ее попросили подождать в маленькой комнате, заставленной зеркалами и книжными этажерками. Джулия присела в кресло перед камином, потихоньку начиная согреваться. Вскоре муторная усталость принялась свозить цвета и опрокидывать ее навзничь. Тело требовало закрыть глаза – дать ему передышку. Через несколько минут ей стало всё равно, если ее застукают сопящей в кресле посреди чужого дома. А потом...

...Пестрел берег океана тысячью зеленоватых искр – это светились раскрытые ракушки. У неба был цвет крыльев чайки. На восток шеренгами неслись облака, влажный ветер рвал на Джулии платье. Она услышала чей-то голос. Кто-то тихо говорил с ней, стоя за ее спиной, он просил понять. Негромко нашептывал, и она плакала от тоски, хотя уже в тот миг знала, что забудет каждое слово. Вдалеке над лесом проступала громадная сизая тень, но слезы размывали образ. Берег пляжа лежал перед ней недорисованной картинкой; кто-то выложил на белом песке круг из обугленных костей, в центре стоял ребенок – сквозь его глаза и в крике открытый рот пробивалось ревущее пламя.

Ветер поднял занавес из светлой пыли, и все погасло.

* * *

– Мисс Грант? Простите, что заставили вас ждать.

Джулия встрепенулась. Непонимающе уставилась на Эшби, стоящего возле камина. Его взгляд не выражал ничего, кроме аккуратного смущения.

– Да... – Она выпрямилась. В глазах всё поплыло – то ли из-за слез, то ли от воображаемой пыли. Поклявшись себе как следует отоспаться при первой же возможности, она изобразила внимание и выбралась из кресла-гнезда.

– Лорду Ричарду стало лучше, теперь можно начинать.

«Завещание... Значит, врач уже ушел».

Она вспомнила, из-за чего случилась заминка. За полчаса до оглашения последней воли Каталины Чесбери Ричарду стало настолько худо, что пришлось вызывать семейного доктора. Перед глазами Джулии снова пронеслась фигура Виктории в черном платье, похожая на истеричную птицу.

– Вас ждут в библиотеке. Я провожу вас, мисс Грант.

Путь оказался коротким. Пара поворотов и массивная дверь. За ней – вся честная троица. Джулия распрямила спину и послушно вошла внутрь.

Во главе прямоугольного стола скромно примостился нотариус. По правую руку от него, но в отдалении, лорд Чесбери. Джулия осторожно пригляделась к Ричарду, но заметила лишь бледность и забинтованную ладонь, безжизненно покоившуюся на стопке бумаг: он вежливо отвлекся, обнаружив ее присутствие, поздоровался и даже соизволил встать, хотя его качнуло не в ту сторону. Элинон, сидевшая слева от нотариуса, не проронила ни слова; Виктория присутствовала здесь исключительно ради соблюдения протокола – ее взгляд постоянно метался между испугом и скукой.

– Прошу вас, мисс Грант, присаживайтесь, – беря на себя роль любезного хозяина, произнес Ричард. – Думаю, теперь мы можем начинать.

Нотариус тихо кашлянул и захрустел бумагой.

Джулия сразу же уставилась в центр стола, чтобы никто не смог встретиться с ней взглядом; снова знакомый запах. Аромат духов леди Каталины. Она помнила его слишком хорошо – фиалка и что-то горьковатое. Ей всегда нравилась фиалка, и это повергало ее в уныние. Она чувствовала себя Алисой на сумасшедшем чаепитии. В голове царил кавардак, ее окружение в гробовой тишине выслушивало нотариуса, но стоило ей поднять лицо, как все трое при-

липали к ней взглядами. Элинон была наглее всех, она словно спрашивала: «Тебе нравится? Забавно, правда?» Ее красивый рот изгибался, как довольная кошка.

Джулия, сцепив ладони под столом, почти перестала вникать в монолог нотариуса. Она твердила себе, что всё непременно закончится через пару минут. И если она сумеет удержаться от искушения зашвырнуть в Элинон подсвечником, то уже через четверть часа будет свободна – и Алекс вместе с ней. Каталина Чесбери не могла зайти так далеко в ущерб своему выводу. «Она не могла...»

– «...Александр Райну: принадлежащий мне замок Астоун и поместье Чесбери, согласно моему желанию и воле». Это всё, господа.

– Спасибо, Уоррен, – Ричард поспешно забил последний гвоздь.

Всё закончилось. Никто не был удивлен. Джулия молчала.

– Вас интересуют подробности, мисс Грант?

– Нет. – Потом, опомнившись, добавила: – Но Алекса наверняка заинтересуют. Просто я ничего не смыслю в нотариальных делах.

Вошел Эшби, аккуратно разнес чашечки с кофе и незаметно скрылся. Ей только показалось, или лорд Чесбери действительно выглядел всё лучше с каждой минутой? Он поднялся из-за стола и размял плечи. Его пальцы, держащие китайский фарфор, ни разу не дрогнули.

– Что ж, тогда будем считать вопрос решенным. – Ричард прошествовал к окну и красиво облокотился о закрытый стеллаж. – Мы поможем мистеру Райну, если у него возникнут затруднения. В любом случае, он всегда может рассчитывать на мистера Грэхама.

Нотариус вежливо кивнул в знак согласия и принялся собирать документы:

– Мы обсудим формальности при личной встрече с мистером Райном, когда ему будет угодно, – учтиво сообщил тот. – Позвоните мне, как только он изъявит желание. Вот моя визитная карточка.

Он поспешно очутился возле Джулии и вручил ей тисненый кусочек картона. Затем раскланялся и молниеносно прошмыгнул в коридор. Джулия тоскливо посмотрела ему вслед.

– Может быть, останетесь на ужин, мисс Грант? Вам незачем жить в гостинице. В замке достаточно места, и теперь, когда ваш жених стал его полноправным владельцем, вы можете перебраться сюда.

– В Астоун? – несмотря на все усилия, она не смогла скрыть оторопи. Встретив ее взгляд, Ричард улыбнулся – да, можно считать, что это была улыбка. Джулия не без оснований решила, что он над ней издевается.

– Вижу, вам не по душе наш *бывший* дом, как жаль... – Он обмакнул губы в кофе. – Поверьте, вы передумаете. Не спешите говорить «нет». Мистер Райн тоже поначалу дичился, но в итоге... Нда, итог получился неудачный. Я не это хотел сказать.

Он бросил взгляд на Элинон, та опять промолчала. Несколько минут назад, услышав о наследстве Алекса, она не выразила ни разочарования, ни гнева – она определенно не была сражена новостью. Но сейчас с ней что-то происходило: ее лицо сделалось похожим на хищную венецианскую маску. Она посмотрела на Ричарда долгим взглядом и он неприкрыто смутился, отвернулся к окну, но не найдя за ним ничего интересного, передвинулся поближе к Виктории.

– Ты думаешь, Александр сможет вернуться сюда? – тихо спросила та, ухватившись за его рукав. – Он, наверное, разочарован.

– Напуган, ты хочешь сказать? – усмехнулась Элинон.

Она поднялась из-за стола. Правда, лишь затем, чтобы неторопливо направиться к выходу, не стесняясь говорить на ходу:

– Честно говоря, мне нет до этого дела. Пойду собирать вещи. – Она посмотрела на брата, на сестру, сломала их взгляды и спокойно вышла вон. Дверь за ней осталась незакрытой.

– Элли расстроилась. Она слишком любит Астоун. – Виктория вопросительно заглянула Ричарду в глаза, затем обернулась к Джулии. На ее красивом беспомощном лице отразилась

странная нежность: – Не бойтесь этого дома, мисс Грант. Замок не сделает вам ничего плохого, это только камень. Главное, кто в нем живет и для чего. Здесь столько прекрасных вещей – цветы, океан. Без дурных воспоминаний быть счастливым так просто. Забудьте о том, что здесь случилось. Ради вашего же блага.

Она поцеловала брата и направилась к двери. Но возле Джулии остановилась и робко коснулась ее запястья: – Прощайте, мисс Грант. Надеюсь, вы будете здесь счастливы. – Неуверенная улыбка, шаг назад; в заведенных за спину руках и болезненном блеске глаз было нечто, что заставило Джулию опустить лицо. – Ричард обо всем позаботится.

Виктория выбежала из библиотеки.

Джулия обнаружила у себя озноб и поняла, что сейчас было бы неплохо проснуться. Даже на больничном диване.

Звякнула кофейная чашка – Ричард слишком резко поставил ее на каминную доску.

– Я распоряжусь подать вам машину.

– Не стоит, меня уже ждут.

– Тем лучше.

Он приблизился к ней, настойчиво заглядывая в лицо:

– Викки права – вам нечего здесь бояться.

– Скажите, это представление специально для меня, или у вас так заведено? Иногда кажется, что вы все немного... не в себе. – Она смутилась. – Простите.

– Думаете, в себе нам было бы лучше?

– Вот опять.

– Привычка. Это как с иголкой. Что нужно, чтобы спрятаться в странном месте? Верно, не нужно выделяться. Вы этому месту подойдете.

– Теперь пытаетесь меня напугать? Честное слово, не хочу вас обидеть, но ваш дом вгоняет меня в тоску.

– Теперь это ваш дом.

– Он принадлежит Алексу.

– А разве это не одно и то же?

– Вы... действительно...

Она отвернулась и пошла к выходу. Он догнал ее и схватил за руку.

– Пообещайте мне кое-что, Джулия. Прошу вас, пообещайте, что вы не откажете, когда я попрошу вас об одолжении!

– О каком одолжении?

– Просто дайте слово!

Джулия стало по-настоящему страшно – лицо Ричарда заострилось. У нее мелькнула мысль, что он и в самом деле безумен. От его ладони шел жар, пальцы то сжимались, то ослабевали, словно он не мог решить, ломать ей предплечье или нет. Не зная, как себя повести, она едва не разрыдалась у него на глазах.

– Обещаю, – пролепетала она, изо всех сил молясь, чтобы кто-нибудь заглянул в библиотеку и отвлек лорда-психопата. Но Ричард отступил так же внезапно, как и набросился на нее. Он медленно, будто по линейке, дошел до телефона и уткнулся в трубку:

– Эшби проводит вас. До свидания.

– Прощайте!

Не дожидаясь, пока появится мажордом, она бросилась в коридор.

* * *

Джулия бегом миновала две винтовых лестницы – сперва в одном конце замка, затем в другом. Ни одна не привела ее к выходу. Вскоре стало ясно, что дорогу она запомнила плохо.

Заскочив в первую попавшуюся гостиную, девушка захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, с трудом переводя дух. Ей нужно было остановиться и подумать – хотя бы минуту. Чувства сбились в кучу и мельтешили, как напуганные кролики; перед ней по-прежнему стоял Ричард Уэйнфорд с глазами сварившегося окуня и просил об одолжении. «Кто-то из нас точно псих. Знать бы, кто».

Она прижала ледяные ладони к вискам, стараясь успокоиться. Инцидент в библиотеке крутился в голове, будто ее посадили на карусель возле старой шарманки. Но остались только слова, которые накатывали снова и снова, с каждым разом всё больше фальшивя. В конце концов она начала сомневаться, было ли это на самом деле. Возможно, она просто заснула на папке с адвокатскими бумагами – на радость всему выводку Чесбери.

Пощупав руку ниже локтя, Джулия поморщилась: большой будет синяк, хватка у Ричарда оказалась совсем не джентльменская. Что ж, невелика плата за веру в собственную вменяемость. Раньше ей не приходилось изводить себя бессонницей и страхами, сомневаться во всём; она даже не подозревала, что настолько уязвима. Хотелось поскорее сбежать из Астоуна, из Англии, из историй о больничных буднях и убийствах. Ей пора домой, спать. Просыпаясь, видеть солнечные прямоугольники на полу, оранжевую бегонию и восемнадцать стеклянных кошек на стеллаже. Джулия покраснела, припомнив, как всего минуту назад металась по замку, словно огретый полотенцем щенок. «Только бы придумать, как вытащить Алекса из этого дурдома». Кролики внутри засновали шустрее.

– Сейчас вернусь в коридор, встречу мистера Эшби и через пять минут буду на свободе. Не реви, ради бога... Вот дура!

Кажется, она не разговаривала сама с собой с начальной школы.

– Только куда идти?

Джулия застыла посреди круглой комнаты, обставленной низкой плетеной мебелью; шторы были приспущены, в воздухе всё так же пахло океаном и цветами. Слева на стене висела картина в узкой раме.

Джулия подошла поближе. Вглубь убегала желтая река, полускрытая берегом и нависающей зеленью; в поднимавшейся от воды дымке рассыпался птицами восточный храм. Казалось, воздух рядом слегка дрожит. Джулия протянула руку и провела ладонью возле картины.

– Нравится?

Она обернулась. За ее спиной стояла девочка лет восьми, деловито раскачивая кружева на подоле почти кукольного платья – несобранные рыжие волосы, в глазах откровенная детская наглость; она возникла ниоткуда и теперь пристально изучала Джулию, радуясь тому, что застала ее врасплох. Джулия едва не раскрыла рот от удивления: раньше ей не приходилось встречать рыжих кучерявых азиаток с голубыми глазами.

– Она никак не называется. Хочешь, подарю? – девочка приблизилась и, остановившись рядом, тоже посмотрела на картину. – Хочешь?

– Да. То есть... зачем?

– Ну, как зачем? Для чего дарят картины?

– Для чего?

Девочка рассмеялась и прижалась к ее руке:

– Ты милая.

Потом сделала полукруг по ковру и забралась на диван, поджав под себя ноги.

Повисло молчание. Джулия вернулась к двери, но у нее редко получалось уйти, не задавая вопросов. Под горло немедля подступило любопытно: откуда взялся этот ребенок? О ней не упоминали ни полицейские, ни Чесбери, ни их нотариус – а уж скольких она допросила, пытаясь подобраться к загадкам Алекса. Даже человек, знавший о замке Чесбери больше других, оказался не у дел. Или он просто схитрил; тогда это был ее шанс изменить счет в свою пользу. Девочка могла ей помочь.

Джулия развернулась, чувствуя, что улыбается с тем самым видом, за который мать в детстве окрестила ее «плотоядной белкой»:

– Извини?

– Мм? – Девочка охотно подалась вперед.

– Ты давно здесь живешь?

– Ну...

– Я плохо знаю расположение комнат... Честно говоря, я заблудилась. Ты меня спасешь, если проводишь до выхода.

Энтузиазм малышки мгновенно улетучился. Она обиженно надулась и принялась тереть рыжую прядь. – Нет.

Джулия поняла, что прокололась.

– Я тебя обидела? Чем?

Она подошла к девочке и, переборов секундные колебания, ласково погладила ее по волосам; та не сопротивлялась. Джулии стало стыдно. Она присела рядом: – Я не хотела. Честно.

Девочка вскинула подбородок и уставилась в пустоту. Ее взгляд оказался неожиданно жестким. Несколько секунд она мрачнела и щурилась, как ночной зверек, которого Джулия застала в своем саду пару лет назад (он загрыз всех ручных хорьков в округе). Потом потянулась к Джулии и принялась раскачивать ее сережку.

– Я... не могу тебя проводить. Тебя проводит Дед.

– Дед?

– Ага. Его здесь не любят, а мне он нравится. Он добрый и невредный. – Она принялась копировать чьи-то встревоженные мины. Джулия рассмеялась.

Малышка притихла. Посмотрела ей в глаза исподлобья и едва слышно прошептала: – Я тебя видела. Ты пришла посмотреть на то, что я делаю.

Она стремительно спрыгнула с дивана и схватила Джулию за руку.

– Идем!

– Подожди! Подожди минуту... – Девушка удержала ее и развернула к себе лицом. Но заглянув в голубые, как у Ричарда, глаза, она поняла, что паника никуда не делась. Говорить себе, что это детская игра, не имело смысла. Ей снова стало страшно. От напряжения свело ногу, и она неловко села прямо на ковер.

– Ты меня знаешь? Откуда?

– Ты – Джулия. Ты приехала, потому что *он* позвал тебя. – Девочка ответила таким тоном, словно это объясняло всё.

– *Он*? – Джулия попыталась повторить ее интонацию.

– *Он*. И мне это не нравится. Совсем! Не нужно было, у нас бы и так всё получилось... Но *он* никого не слушается, когда боится за хозяина.

Джулии очень хотелось услышать вразумительный ответ. Но что можно было считать разумным в понимании малолетнего ребенка, решившего поиграть... во что? Она не знала. Оставалось зайти с другой стороны.

– А кто же ты?

– Изабелла.

Девочка кивнула в такт своему имени и нетерпеливо потянула ее за рукав свитера.

– Идем, – захныкала она. – Если я должна показать тебе, я так и сделаю... *Даже если мне не нравится!*

Джулия нерешительно поднялась. Холодная детская ладошка обвилась вокруг ее пальцев – стало ясно, что из этого капкана ей не выбраться. Но она уже исчерпала лимит глупостей на сегодня, кидаться с воплем «Бесы!» от ребенка с глазами одного из местных сумасшедших будет слишком даже для нее. Ей хотелось в это верить.

Сперва робко, затем всё настойчивей, Изабелла потянула ее за собой. Чувствуя в голове воздушный шарик, Джулия пошла следом – по пустым коридорам, всё дальше вглубь замка. Они миновали с десяток галерей и лестниц; Изабелла вела ее всё выше и выше – и в конце концов они очутились под самой крышей, в одной из угловых башен. Внезапно стало слышно, как снаружи бубнит ветер. Сухие, как песок, снежинки бились о пыльный витраж, отскакивая в пропасть за окном. В комнате было сумрачно и прохладно. В центре, посреди разномастного хлама, громоздился высокий покореженный стул, на спинке которого висела сорванная портьера.

– Где мы?

Здесь словно кто-то прятался.

Джулия огляделась. У стены скособочилось несколько мольбертов, рядом возвышались коробки, накрытые плотной тканью. Изабелла отошла в дальний угол и принялась возиться с наставленными друг на друга банками.

– Тебе помочь?

В полутьме что-то опрокинулось, по полу разлетелись не то пуговицы, не то гвозди. Не получив ответа ни на один из вопросов, Джулия загрустила. Изабелла снова чем-то зашуршала, потом неразборчиво пискнула из темноты. На сей раз промолчала Джулия. Застыв посреди изломанных линий старой мебели, она нервно ежилась, замерзая от прикосновения собственных рук. Расстояние до замковых ворот увеличилось вдвое, и она понятия не имела, когда маленькой принцессе надоест таскать ее за собой. Если так пойдет дальше, следующим этапом станет встреча с Элинор или ее братцем-истериком, и уж тогда Джулия точно выпрыгнет в окно.

Девочка будто прочла ее мысли, вернулась к окну и тщательно его зашторила оставшейся портьерой. Минуту царила темнота, затем резко ударил свет. Он выплеснулся, как горячее масло, и Джулия на время ослепла. Когда она снова смогла открыть глаза, то увидела перед собой Изабеллу с огромной керосиновой лампой.

– Сюда, – прошептала та.

Джулия шагнула сквозь радужные пятна. Нетрудно было догадаться, что это место – чья-то художественная мастерская. Поначалу всё вокруг дрейфовало в полумраке, но теперь под серой тканью у стены проступили углы небрежно сваленных картин. Некоторые были прислонены к стеллажу с красками и перемазанными палитрами. Джулия присела на корточки возле первого попавшегося полотна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.